

18+

ЕКАТЕРИНА
Орлова
Амира
НАСЛЕДНИКИ

Екатерина Орлова
Амира. Наследники
Серия «По законам пустыни», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68035612

SelfPub; 2022

Аннотация

Он другой веры, мы полные противоположности, словно лед и пламя. Но я лечу на это пламя как несмышленный мотылек, рискуя сгореть. Мы слишком разные, но нас объединяет любовь к свободе и... друг к другу. Из-за нас начнется война. Из-за нас многолетние договоренности перестанут что-то значить. Из-за нас начнется апокалипсис в двух семьях с непростой историей. Мы оба это понимаем, но остановиться уже не в силах.

От автора: Все повороты сюжета – исключительно выдумка автора, допустимы несоответствия с реальной жизнью. Комментарии, разжигающие вражду на почве веры или национальности будут удаляться без объяснений. Напоминаю: мы здесь, чтобы наслаждаться книгами о любви, а не ругаться)

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	36
Глава 5	44
Глава 6	52
Глава 7	61
Глава 8	71
Глава 9	80
Глава 10	90
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Екатерина Орлова

Амира. Наследники

Пролог

Пять лет назад

– Проходите, – миссис Фоули с улыбкой провожает нас в большое патио, скрытое от солнца широким навесом.

Я едва сдерживаю шокированное аханье, когда осматриваюсь по сторонам. Мы тоже живем у воды, и у нас тоже вокруг пальмы и песок. Но здесь – на берегу океана – все это выглядит совершенно иначе. Песок кажется белее, а вода – чище. Бросаю взгляд на улыбающуюся маму, которая усаживается в предложенное ей плетеное кресло.

– Я могу?.. – показываю отцу на океан, и он с улыбкой кивает.

– Далеко не уходи.

– Я только к воде.

Кивнув хозяевам дома, я спешу по ступенькам вниз. Как только достигаю песка, сбрасываю бабуши и иду к воде. Издалека мне кажется, что она должна быть теплой, как парное молоко. Но, стоит мне подойти и потрогать ее пальцами, я понимаю, что она прохладная. Правда, приятно прохладная, не ледяная. Я брожу вдоль берега и периодически поглядываю

ваю на террасу, где расположились родители, и каждый раз встречаюсь взглядом с папой. Он все время следит за мной, словно коршун. Но мне это нравится, потому что так я чувствую себя в безопасности.

Поднимаю голову и, приложив руку ко лбу, чтобы хоть немного прикрыться от солнца, смотрю вдаль. Там высокие волны, на которых катаются смельчаки. Хотела бы и я тоже когда-нибудь оседлать волну на небольшой доске. Почувствовать прилив адреналина, восторг от покорения одной из стихий. Но папа говорит, что это развлечение не для девочек.

– Не хочешь покататься? – раздается слева от меня мужской голос, и я, вздрогнув, поворачиваюсь к его обладателю.

Рядом со мной шагает красивый высокий парень и, прищурившись, улыбается мне. Его волосы выгорели на солнце, а от уголков глаз из-за улыбки расходятся лучики морщинок. Он настолько загорелый, словно был заброшен сюда из какой-нибудь латиноамериканской страны. Я качаю головой, вспомнив, что так и не ответила на вопрос.

– Не хочешь или не разрешают? – снова спрашивает он. – Ты ведь приехала с мистером Аль Мансури и его женой?

– Да, – отвечаю тихо.

– Я по одежде понял. Не жарко? – он кивает на мою абаю.

– Н-нет, – запинаясь, отвечаю я.

Обычно я бойкая и смелая, а тут прямо дар речи потеряла. То ли от того, что парень очень красивый, то ли от того, что

он вообще со мной заговорил. Смутившись, опускаю взгляд ниже, но тут же резко отворачиваюсь к океану, чувствуя, как вспыхнули мои щеки. Он с голым торсом! То есть, на нем этот костюм для серфинга, но он спущен на бедра и... о, Все-вышний, помоги мне забыть это. Сердце в груди колотится как ненормальное. И мне страшно. Потому что этот мальчик намного старше меня, а я не знаю, как вести себя с парнями. Совсем не знаю.

– Амира! – слышу за спиной грозный голос папы и, резко развернувшись, бегу к нему.

Наверное, этот красивый парень посчитает меня какой-то дикаркой, но я и правда не знаю, как себя с ним вести. Что вообще говорят в случае, если не могут продолжить беседу? Ну да, в нормальном обществе извиняются и уходят. Но разве можно назвать наш разговор нормальным, если в нашу первую встречу он практически голый?

– Привет, – зачем-то здороваюсь, подбежав к папе. Чувствую, как трясутся руки и до сих пор горят щеки.

Папа смотрит мне за спину, недовольно нахмурившись.

– Кто это?

– Не знаю, – отвечаю тихо.

– Амира, ты не должна общаться с незнакомцами. Тем более, если они в таком виде.

– Он знает нашу фамилию. Это, наверное, сын мистера и миссис Фоули.

– Если это старший, то он слишком стар для тебя.

– Для меня? – я вскидываю на отца взгляд и смотрю испуганно. – В каком смысле?

– Для общения, Амира, – отвечает отец.

– А сколько ему лет?

– Восемнадцать, если не ошибаюсь, – папа берет мою руку, заставляя обхватить его локоть, и медленно ведет в сторону патио.

– Он всего лишь на пять лет старше меня.

– Амира, он не подходит тебе для общения, – настаивает папа, а я и не спорю. Конечно, не подходит. Да и что у нас с ним может быть общего?

Но, поднимаясь по ступенькам на террасу, я почему-то всматриваюсь вдаль, пытаюсь разглядеть в темных точках на волнах того самого парня. Что-то внутри меня заходится приятным волнением, а внизу живота порхают бабочки. Такое странное ощущение, и интуитивно я понимаю, что им лучше ни с кем не делиться, а беречь только для себя. Даже маме не скажу.

Немного позже папа, Омар и мистер Фоули удаляются в кабинет, чтобы обсудить дела, а мы с мамой, немного отдохнув в отведенных нам гостевых комнатах, присоединяемся к миссис Фоули в прохладной гостиной, чтобы поболтать о женском. Взяв книгу, я присаживаюсь в широкое кресло у окна, чтобы спокойно почитать. Мой взгляд то и дело скользит к бескрайней бирюзовой воде, которая манит меня. Дома я постоянно купаюсь в море, но еще никогда не делала

этого в океане. И меня охватывает радостное возбуждение. Мы прилетели на целых четыре дня. А значит, у меня будет много времени, чтобы насладиться купанием.

В очередной раз бросаю взгляд за окно и замираю. Немного поворачиваюсь так, чтобы мама с миссис Фоули не заметили моих горящих щек, потому что я наблюдаю за тем, как старший сын Фоули ступает под тропический душ, который находится сразу за террасой. Он одет все в тот же гидрокостюм, ничего неприличного. Но тот спущен так, что я могу видеть ямочки на пояснице внизу широкой, мускулистой спины. О, Аллах, я же сейчас сгорю от смущения и ужаса, что не закрыла глаза и продолжаю пялиться! Нужно будет сегодня особенно рьяно замаливать свои грехи. И самое главное, чтобы родители не проследили за моим взглядом. Иначе мне конец!

Придя в себя, я быстро опускаю взгляд в книгу как раз в тот момент, когда парень выключает воду и собирается повернуться. Я не слежу, куда он исчезает, а стараюсь отключить всякие мысли о нем и вникнуть в сюжет. Ну и, конечно, нормализовать работу своего взбесившегося сердца. Мама правильно говорит: рано мне еще смотреть на мальчиков. А на таких красивых и давно. Но я же не виновата, что взгляд сам цепляется к нему, как примагнитченный.

– Малоун, немедленно оденься, у нас гости! – восклицает миссис Фоули, и я только невероятным усилием воли не поворачиваю голову в ее сторону, потому что, уверена, по

моим горящим щекам и смущенному взгляду все сразу распознают мой интерес.

– Простите, миссис Аль Мансури, – раздается ответ того парня. На пляже ему приходилось говорить громче из-за шума волн и бриза. А теперь его голос звучит иначе, словно мед. густой, бархатный и сладкий. У меня по коже разбегаются мурашки, и приходится потереть плечи. – Тебе холодно?

Я снова чувствую, как мое лицо заливает краской, когда поднимаю взгляд на парня. Он смотрит вопросительно и с улыбкой.

– Может, кондиционер выключить? – спрашивает он, а я отвожу глаза. Видимо, из-за того, что миссис Фоули его наругала за внешний вид, парень – как его там? Малоун? Интересное имя – снова надел на себя гидрокостюм, но это не помогает, потому что он обтягивает его тело. Поэтому я бросаю быстрый взгляд на его лицо и снова утыкаюсь в книгу.

– Нет, спасибо, мне комфортно, – отвечаю слегка хриплым голосом.

– Малоун, иди переодевайся, через полчаса надо разжечь гриль, будем готовить ужин, – поторапливает его миссис Фоули.

Я слышу его удаляющиеся шаги и наконец облегченно выдыхаю. Когда его нет рядом, я не чувствую потрескивания в воздухе, не слышу, как он звенит, и меня не бросает то в жар, то в холод. Как же тяжело это все!

Глава 1

Малоун

Я с довольной улыбкой захлопываю крышку ноутбука и, откинувшись в кресле, забрасываю руки на его спинку. Контракт мой. В принципе, ничего нового, такой результат ожидаем, но, должен признать, мне пришлось понервничать, когда переговоры чуть не сорвались. Работа с одной из крупнейших в мире компаний по производству видеоигр – это мечта каждого 3D-моделлера. И моя теперь осуществилась. Это стоило десяти лет обучения, пары разбитых графических планшетов и тонн выпитого кофе.

Окидываю взглядом комнату, с интересом цепляясь за детали. Сегодня мы приехали в дом Аль Мансури в ОАЭ, чтобы поприсутствовать на дне рождения Амиры, дочери шейха Заида. Не знаю, зачем потащился за родителями. Казалось, главной мотивацией послужило то, что я еще не бывал в этой стране. Но на самом деле мне хотелось посмотреть, какой выросла та испуганная девочка, которую я встретил тогда на пляже. Все время, что Аль Мансури проводили в нашем доме, я исподтишка наблюдал за ней.

Шейх Заид Аль Мансури был и есть партнером отца по бизнесу. Папа тогда еще провел со мной беседу о том, что Амира для меня недостижима: девочка еще слишком юна и к тому же выросла в семье строгих нравов и с серьезным от-

ношением к вере. Не стоило сбрасывать со счетов и ее отца с его тяжелым взглядом и огромной властью. А я не мог оторвать от нее взгляда. Понимал, что она абсолютно мне не подходит. Но взгляд то и дело возвращался к ней, отмечая плавные движения, грациозность, красоту лица, очарование улыбки. И взгляд... в нем было столько всего. Ее глаза, словно сотканые из тысяч звезд, мерцали, хранили в себе сотни тайн, каждую из которых хотелось разгадать и в то же самое время не делать этого, чтобы в девушке оставалась загадка. Я как маньяк прятался по темным углам в закоулках нашего дома, чтобы наблюдать за ней. По моему телу проходила волна дрожи, когда она смеялась. Заливисто и открыто, ее смех напоминал перезвон колокольчиков. Когда ее щеки краснели от смущения, меня бросало в жар. Самое интересное, что тогда в моих мыслях не было ничего о сексе, хоть я и достиг возраста, когда думаешь только о нем. Амира была для меня, словно экзотический цветок, на который хотелось безостановочно любоваться.

И сейчас мне жутко интересно, какой она стала. Сохранила ли свое очарование или превратилась в одну из современных девушек, которые громко смеются, демонстрируя себя с целью продать подороже свои молодость и красоту? Стала ли она одной из тех, кто зависит от соцсетей и живет напоказ? Или все же в ней остались те притягательная непорочность, наивность, которые будоражили мою кровь пять лет назад?

Я выхожу на балкон и двигаюсь к балюстраде. Кладу руки

на теплый камень и глубоко вдыхаю. Все-таки есть свое очарование в этом месте. Оно, как восточная сказка – не до конца понятная, но манящая своими тайнами. Опускаю взгляд и замираю. Даже задерживаю дыхание, когда в полумраке вечера замечаю стройную фигуру в сплошном купальнике, которая выходит из воды, отжимая на песок воду из длинной косы. Сомнений нет, это она. Сердце начинает часто колотиться, а по телу проходит дрожь. На лице сама собой расплывается широкая улыбка. Это точно она. Грациозная походка никуда не делась. И вот этот жест, когда она поправляет браслеты на руке, потрясая рукой, тоже остался. Амира перекидывает косу за спину таким движением, словно волосы ей уже чертовски сильно надоели и мешают.

К ней подбегает невысокая женщина и протягивает длинный халат. Амира тут же ныряет в рукава, прикрывая свое тело, которое с такого расстояния мне рассмотреть не удалось. Кроме общих форм, а они у нее такие, что мне приходится прикрыть глаза и сделать несколько глубоких вдохов. Нужно перестроиться и взять себя в руки, вряд ли шейх оценит бугор в моих штанах.

Возвращаюсь в комнату, когда Амира скрывается из виду в сопровождении женщины, и начинаю нарезать круги. Мне так нестерпимо сильно хочется разглядеть ее поближе, поговорить, услышать ее голос, посмотреть, как она изменилась и в какую девушку превратилась. В теле вибрирует возбуждение, которое не дает усидеть на месте и дышать ровно. Не

знаю, что со мной происходит. Последние пять лет я не отказывал себе в удовольствиях, у меня полноценная сексуальная жизнь, есть девушка. Но Амира будоражит мой разум с того самого дня, когда я впервые увидел ее. Наверное, это потому, что для меня она так и осталась экзотическим цветком. Девушкой, наполненной тайной, которая и манит к ней.

Немного позже, слегка успокоившись, я спускаюсь в гостиную, где уже накрыт ужин... для меня одного. Присаживаюсь за стол и смотрю на слугу, стоящего у двери.

– Подскажите, пожалуйста, Амира присоединится ко мне за ужином?

Он бросает на меня взгляд, в котором плещется недоумение и, кажется, укор. Я сказал что-то не так?

– Нет, – коротко отвечает он и снова смотрит прямо перед собой.

– Можно узнать причину?

– Госпожа Амира ужинает в гареме.

– У вас тут и гарем есть?

Я вижу, как на секунду на лице слуги снова мелькает вопрос, но он даже бровью не ведет, продолжая пялиться на противоположную стену.

– Ладно, – тихо произношу я и принимаюсь за еду.

Как только заканчиваю с ужином, встаю из-за стола и направляюсь в свою комнату. Но перед поворотом замираю, услышав женский голос, который – уверен – принадлежит ей.

– Ой, Тина, насмешила, – а потом смех. Прикрываю глаза и растворяюсь в этом звуке. – Неужели мама проявляла непослушание?

– Я, наверное, сболтнула лишнего, – отвечает женщина.

– О, нет! Мне интересно послушать. Особенно интересно в свете того, как мама учит покорности меня.

– Амира, ты только не рассказывай госпоже, она меня выгонит.

– Ну что ты, моя дорогая, мама с тобой никогда так не поступит. А я – тем более. Но и ты не вздумай сказать папе, что я снова купалась одна.

– Я никогда тебя не подведу, девочка моя.

Я сворачиваю за угол и с колотящимся сердцем продолжаю путь к своей комнате. На лице широкая улыбка, которую мне никак не удастся стереть с лица. Так вот, значит, какой выросла Амира Аль Мансури: внешне покорной, но дерзкой и смелой. Ловлю себя на мысли, что мне это нравится.

Переодевшись в купальные шорты, выхожу из комнаты, но не успеваю сделать и десяти шагов, как меня тормозит слуга. Останавливается напротив и, сложив руки перед собой, почтительно склоняет голову.

– Простите, господин, но вам нельзя так ходить по дому.

– А как мне ходить, если я собираюсь искупаться в море?

– Вы должны что-нибудь надеть на себя.

Я хмурюсь, но разворачиваюсь и иду обратно в свою ком-

нату.

– Футболка подойдет? – спрашиваю, не оборачиваясь.

– Вполне, господин.

Господин... Такие смешные у них обращения. Но, если честно, теперь я понимаю, почему арабские мужчины чувствуют свое превосходство. Женщины покорны, все вокруг называют тебя господином. Грудная клетка сама расправляется.

На пляже я сбрасываю футболку, шлепанцы и захожу в теплое море. Все равно не понимаю, зачем было одеваться, если я провел в этой одежде не больше пяти минут. Стоя по пояс в воде, разминаю плечи и руки, чтобы мышцы не горели во время плавания. Завтра нужно будет пробежаться и немного позаниматься, иначе с таким количеством времени за компьютером я скоро обрасту жиром и обзаведусь горбом.

Я плаваю так долго, насколько хватает сил. Устав, подплываю ближе к берегу и, встав по грудь в воду, смотрю на особняк Аль Мансури. Я бы скорее назвал это строение огромным дворцом, в котором могло бы жить больше, чем семья из семи человек. У них шестеро детей. Шестеро! Это круто, я считаю. Мама вроде говорила, что миссис Аль Мансури снова беременна, но я не вникал, это их с отцом разговоры, которые меня не касаются. Но тогда я задумался. А сколько детей хотел бы я? Трудно сказать, да и, наверное, мне еще рано думать о детях, но в этом деле скорее склоняюсь к принципу «лучше больше, чем меньше», как и мои родители. Я

сам вырос в большой семье и такую же хочу создать.

Вернувшись в комнату, принимаю душ, переодеваюсь и, прихватив графический планшет, иду на балкон. На столике, к моей радости, обнаруживается кувшин с местным освежающим напитком, название которого я так и не запомнил, и ваза с фруктами. Усаживаюсь в кресло и, отщипнув несколько виноградинок, закидываю их в рот. Несколько секунд любуюсь видом темного моря в лунном свете и принимаюсь за работу, стараясь отключиться от всех внешних факторов. Но все старания сходят на ноль, когда я слышу пение.

Поднимаю голову и, словно пес, учуявший мясо, кручу головой из стороны в сторону в попытке определить, откуда льется звук. Кожа покрывается мурашками от бархатистых ноток потрясающе красивого голоса. Прикрываю глаза и откидываюсь на спинку кресла. Губы сами собой растягиваются в улыбке, хоть мышцы и подрагивают от напряжения. Она поет что-то загадочное, негромко, но мне кажется, что я могу разобрать каждую букву. Жаль только, что не понимаю ни слова. А через пару минут песня внезапно прерывается. Еще примерно минут пятнадцать я прислушиваюсь к каждому звуку, надеясь услышать чарующее пение, но остаток ночи не слышу ничего, кроме шума прибора.

Глава 2

Я вхожу в кабинет папы, и он тут же встает из-за стола и с широкой улыбкой раскрывает для меня объятия, в которые я незамедлительно ныряю, окунаясь в его мужественный запах. В теплых объятиях отца я всегда чувствую себя в безопасности. Любимой и всесильной, потому что знаю: за моей спиной стоит огромная скала.

– С днем рождения, малышка моя.

– Я уже не маленькая, папа, – с улыбкой отвечаю я, но мои слова тонут в складках рубашки отца.

– Для меня ты всегда будешь маленькой, – все же папа услышал сказанное мной. – Наш с мамой подарок.

Папа отстраняется и, вернувшись к столу, берет с него небольшую коробочку. Передает ее мне, и я сразу открываю крышку. Я уже знаю, что обнаружу там какое-нибудь баснословно дорогое украшение, которое пополнит мою коллекцию безделушек, и которое я надену максимум один раз. Меня до последнего не оставляла надежда, что отец подарит мне квартиру в Абу-Даби, чтобы я могла жить там и учиться, но он твердо стоит на том, что сначала мне надо выйти замуж. Я не разделяю его мнения, как и мама, но их споры на эту тему пока ничего не дали. Не знаю, что он ей говорит, но каждый раз, когда мама идет отважно отстаивать свою – и мою – позицию, после этого она возвращается с

одним вопросом: «Дочка, может, папа прав, и тебе не стоит сейчас идти учиться?» Я так устала приводить им аргумент за аргументом, что, в принципе, идея выйти замуж и убедить мужа в необходимости получения мной высшего образования кажется не такой уж бредовой. Жаль только, что мой жених Мустафа воспитывается в тех же традициях и с теми же убеждениями, что и я. Кажется, он совершенно не современный. Но, может, я смогу на него повлиять, кто знает?

Рассматривая инкрустированный дорожками камнями браслет стоимостью с небольшую квартиру в городе, я улыбаюсь и всячески выдавливаю из себя благодарности. Все же родители старались, выбирали украшение, и они заслужили мои восторги.

– Очень красиво, спасибо.

– Мама выбирала.

– А ты оплачивал, – с улыбкой дополняю я, а папа пожимает плечами.

– Как всегда. Готова к празднику?

– Осталось только переодеться.

– Сегодня приедет Мустафа с родителями. Скоро и его день рождения, так что можно, думаю, уже поговорить о свадьбе.

Не хочу о свадьбе! Хочу об учебе! Хочу о свободе!

Но в ответ на папины слова я только улыбаюсь и киваю. А что еще мне остается, если он уже все решил?

Вечером я надеваю красивую расшитую золотыми нитями

абаю, тонкую шелу, которая аккуратно ложится мне на волосы, чтобы не испортить шикарную прическу. Тина столько трудилась надо мной, что я сама не узнаю себя в зеркале. Глаза как будто не мои, они принадлежат восточной красавице с умело подведенными стрелками и черными длинными ресницами. Нет, все же мои. Но сегодня они выглядят невероятно красивыми, подчеркнутыми умелым макияжем.

Я вхожу в просторную комнату в гареме, где уже расположились все гости женского пола.

– Моя красавица! – восклицает тетя Инас, заключая меня в объятия. – Мустафа в обморок упадет, когда тебя увидит.

Я опускаю глаза и смущенно краснею. Не хочу, чтобы он меня рассматривал. Вообще не хочу его видеть. И, кстати, если я в чем и уверена, так это в том, что сын Инас и Валида тоже не в восторге от нашего предстоящего союза.

– С днем рождения, – наконец заканчивает свое приветствие тетя. – Наш подарок вместе с остальными.

Она кивает на столик в углу, заваленный коробками в подарочной упаковке. Я могу прямо перечислить что там: гаджеты, украшения, снова украшения и еще украшения. Придется покупать новую шкатулку. На самом деле, это хорошо, что у меня так много побрякушек. И я даже люблю их носить. Но, в отличие от мамы, выбираю несколько самых любимых и постоянно ношу только их, а остальные лишь по особым случаям, которых в жизни незамужней девушки не так уж и много.

Приняв поздравления от всех женщин, я надеваю гишуа и вместе с мамой направляюсь в мужскую половину, чтобы мужчины тоже могли выразить свое почтение и пожелать долгих лет жизни. Чувствую себя, словно выставочный экспонат, на который все будут пялиться. А я ведь даже не смогу поднять глаз, чтобы рассмотреть их всех. Мне можно смотреть только на папу, но его я вижу каждый день. А мне интереснее было бы посмотреть, как выглядит сейчас Мустафа, например. Или другие гости, которые приехали в наш дом. А вдруг там будет какой-нибудь красивый молодой мужчина, который понравится мне больше моего жениха? Интересно, мне бы разрешили променять Мустафу на него?

– А вот и наша именинница, – провозглашает папа, как только мы входим в большую комнату, уже задымленную каляном. Странно, что здесь такой туман, потому что все окна открыты, да и в комнате стоит мощная вытяжка, но все равно ароматный дым витает в воздухе.

Конечно же, молодым мужчинам – в том числе Мустафе – не позволительно подходить ко мне, так что я принимаю поздравления от старших, покорно кивая и тихо благодаря. Мне так неуютно под всеми этими взглядами, что мышцы подрагивают, готовые в любой момент выручить меня при побеге. И все это время я чувствую на себе прожигающий взгляд. Он как будто сверлит меня в разных частях тела и лица, ни на секунду не отпуская. Думаю, это Мустафа, но сомневаюсь, потому что он никогда на меня не пялился. На-

оборот, когда у него была возможность посмотреть на меня, он отворачивался. Неужели ему неинтересно, на ком он женится? Я вот тайком рассмотрела его в подробностях. Правда, почти год назад. Интересно было бы посмотреть, как он изменился за это время. Надеюсь, у меня появится хотя бы крошечная возможность взглянуть на него одним глазком перед свадьбой.

Приняв все поздравления, я разворачиваюсь и иду на выход из комнаты, но ощущение прожигающего взгляда никуда не девается. Повинуясь порыву, я слегка поворачиваю голову в сторону и сталкиваюсь со взглядом мужчины, которого видела пять лет назад. Я точно знаю, кто это. Только иностранец, не знающий наших порядков, может так бесстыдно пялиться на меня.

Я чувствую, как закипает кровь, как всего за секунду румянец покрывает все мое тело. Кажется, даже волосы покраснели до самых кончиков. Наше столкновение взглядами длится всего мгновение, а по ощущениям – вечность. Словно мой приклеился к ирландцу и никак не может оторваться. Я успеваю только отметить красоту его глаз и внимательность, с которой он на меня смотрит, когда скрываюсь за широкими дверями.

Всю дорогу назад в гарем мое сердце колотится так сильно, что, кажется, сейчас я почувствую его на языке. Оно пляшет в грудной клетке, срывается и пытается пробить ее. Немного замедляется, а потом разгоняется с новой силой.

Если отец успел заметить этот контакт, он навечно запрет меня в комнате, а Фоули перестанет быть его партнером. Это плохо, потому что у них большой бизнес, и папа не заинтересован в поиске нового партнера. Так что мне, как приличной мусульманской девушке, надо забыть этот взгляд. Только вот как?!

Ночью я просыпаюсь от того, что очень четко вижу перед собой эти глаза. Самое интересное, что лица я не запомнила. Мужчина и мужчина, ничего особенного, видимо. А вот глаза. Даже не они, а взгляд... Такого со мной еще не случилось. Возможно, потому что я не смотрю мужчинам в глаза, это запрещено. А тут прямой контакт. В самое сердце.

Вспомнилось, как мы тогда разговаривали на островах. Я была такая маленькая и глупая, позволившая себе мечтать о взрослом парне, который наверняка смотрел на меня, как на ребенка. Зато мне не удалось забыть его за эти пять лет. Мне казалось, что я чертовски смелая, если смогла заговорить с парнем и не рассыпаться по песку мелкой крошкой. Сейчас же, когда я считаю себя на самом деле отважной, раз собираюсь противостоять отцу или мужу в попытке добиться получения образования, схожу с ума от стыда за один только взгляд. Но какой же это был взгляд! Даже если отец узнает о нем и решит наказать меня, заперев до самого замужества, я все равно не пожалею об этом коротком, на первый взгляд, невинном контакте. Потому что он будоражит, заставляет мою кровь бурлить. Ничто и никто никогда не заставлял ме-

ня так чувствовать себя. Пожалуй, после сына Фоули никто. Малоун.

Красивое имя. Ему оно идет. На первый взгляд, мягкое, но в нем чувствуется стержень, сила. Не в парне – в имени. Парня я совсем не знаю.

Перевернувшись набок, беру с тумбочки планшет и залезаю в интернет. Хочу прочитать про это имя. Помня о том, что отец периодически проверяет историю моего браузера, предусмотрительно нажимаю на окно инкогнито. Чувствую себя еще более взбудораженной, потому что делаю нечто запретное, за что меня наверняка ждет кара. Прости меня, Всевышний, я слаба.

«Успешный, обладающий природным магнетизмом, – это точно, – амбициозный и целеустремленный». Не знаю почему, но даже эта информация вызывает дрожь по телу. Я как будто уже знаю этого парня и точно могу сказать, что каждое из этих слов – правда. По крайней мере, про природный магнетизм могу подтвердить с уверенностью. Один взгляд на младшего Фоули – и все, я пропала.

Переворачиваюсь на спину и смотрю на тени, набегающие на белоснежный потолок. Занавеска, танцующая на ветру, выписывает на нем замысловатые узоры, которые я невольно пытаюсь представить в виде каких-нибудь животных. Но получаются только птицы. Вот орел пролетел, а следом за ним, широко распахнув крылья, медленно парит сова.

Снова переворачиваюсь, утыкаясь лицом в подушку. Сна

ни в одном глазу. Можно было бы спуститься за теплым молоком, но теперь мне страшно выходить из гарема. Как будто Малоун поджидает меня где-то за углом, чтобы утянуть в пучину пороков и греха. Глупость какая! В конце концов, я в своем доме! Могу ходить там, где хочу! А гостям вообще положено спать в это время. Бросаю взгляд на часы на телефоне. Час ночи. Все точно спят, даже слуги, так что я вполне могу спуститься вниз.

Встаю с кровати и накидываю на себя длинный шелковый халат. Перебрасываю косу через плечо и тихонько выхожу из комнаты. Крадусь по дому на цыпочках, чтобы никого не разбудить. Я даже бабуши не надела, чтобы не щелкать задниками в тишине коридора. Правда, пол холодный, и надо было хотя бы мягкие тапочки, наверное, надеть, но уже поздно. Быстро сбежав по лестнице, я юркаю в узкий коридор перед гостиной и вхожу на кухню через так называемый черный вход. Раньше этот коридорчик использовался, чтобы слуги могли сновать по дому незаметно. Мама рассказывала, что во времена, когда у отца был настоящий гарем – что совершенно шокировало меня, – здесь жило очень много людей, штат прислуги насчитывал около тридцати человек. Сейчас же у нас работают только Тина, распорядительница гарема Хая, пять служанок, два слуги мужского пола и две кухарки. Вот и все. Мама говорила, что Шуджа – папин помощник – раньше был распорядителем гарема, скорее даже управляющим дома, но сейчас он приезжает редко, в основ-

ном они с папой встречаются в городе. Потому что, как говорит папа, наш дом – это крепость, и работать нужно за ее пределами.

На кухне непривычно тихо, но, как всегда, пахнет сладкой выпечкой и свежесмешанным тестом. Оно скрывается в высоких мисках под чистыми полотенцами. Кухарки всегда замешивают его на ночь, чтобы на завтрак у нас были пышные сладости, тающие во рту. Мама рассказывала, что полюбила их после моего рождения. Но я не налегаю на эти вкусности, потому что вмиг наберу пару лишних килограмм. Когда мне было шестнадцать, я две недели лопала сладости, а потом сидела на овощах, пока не пришла в норму. Больше я не экспериментирую со своей фигурой, она нравится мне такой, как есть.

Достав из холодильника молоко, наливаю его в чашку и ставлю в микроволновку, пока открываю шкафчик, чтобы достать баночку с медом. Теплое молоко с медом и щепоткой ванили всегда помогает мне уснуть. Это напиток родом из детства, который нам всем делала мама, чтобы мы сладко спали. И даже сейчас, когда я уже чувствую себя повзрослевшей, все равно пью его во время бессонницы. Надо сказать, что она случается у меня крайне редко. Обычно перед сном я иду купаться в море, после чего забываюсь сном младенца. Но мой день рождения принес столько будоражащих эмоций.

– Еще и Малоун этот, – бубню себе под нос.

– А что с ним не так? – раздается за моей спиной низкий голос, и деревянная баночка с ванилью выпадает из моих рук. Она падает на кафель, и стручки разлетаются по полу. Я ахаю, накрыв рот ладонями. Передо мной стоит Малоун и, склонив голову набок, смотрит на меня с улыбкой.

Глава 3

Малоун

Она так красиво смущается, что губы невольно расплываются в улыбке. Скажем, это не совсем та реакция, которую обычно ждешь от девушки, но так тоже сойдет. Если быть откровенным до конца, то мне даже нравится. И она нравится. Там, в большой комнате на половине ее отца, Амира была с этим платком на лице, который скрыл от меня все, кроме ее потрясающих, просто нереальных глаз. Они светились в полумраке, словно два топаза, отражая в себе свет каждого из точечных светильников. Словно в ее глазах зажглись звезды. Зрелище не для слабонервных, потому что вызывает моментальную стойкую зависимость.

Сейчас, пока она в недоумении и шоке, у меня есть пара секунд, чтобы рассмотреть ее потрясающе красивое лицо. Большие светло-голубые глаза, тонкий, слегка вздернутый носик, капризный изгиб слегка пухлых губ, которые, даже не двигаясь, кричат о поцелуе. Клянусь, прямо сейчас я могу почувствовать то, как прикоснусь к ним. Горячие и сладкие, при касании мягкие, но упругие, от которых хочется оторваться на мгновение, чтобы глотнуть воздуха, а потом повторить, и так много раз. Я тяжело сглатываю, когда между ними появляется розовый кончик языка и влажно проходит по идеально гладкой поверхности губ, а потом снова

скрывается.

– Что ты... – запинаясь, спрашивает она, – так на меня смотришь?

Голос... Черт, в этой девушке все – и я имею в виду абсолютно все – настолько манящее, гипнотизирующее, что мне приходится усилием воли держать себя в руках, чтобы не наброситься на нее. Раньше, когда парни рассказывали, как им тяжело сдерживаться и не попытаться завалить девушку буквально силой, я смеялся и издевался над ними, потому что это нелепо. Не настолько это притяжение сильное, чтобы мозг совсем отключался, переходя в режим следования инстинктам. И только сейчас я осознаю, что так бывает. Что иногда мужчине и правда приходится буквально одергивать себя, чтобы не поддаться желанию. Например, заправить ей за ухо выбившуюся из косы прядь. Такое банальное движение, оно настолько попсовое, но это повод прикоснуться, как бы показать свою мужественность и заботу на фоне защиты слабой девушки. Да даже не защиты. Так, элементарное внимание, которое девушками почему-то воспринимается как нечто экстраординарное. Но с Амирой мне этого хочется. И прядь заправить, и коснуться носом ее виска, вдохнуть запах за ушком, прихватить зубами мочку... Все это и много чего еще.

– Ты сильно изменилась.

– Ты тоже не помолодел, – фыркает она. Кусается. Я широко улыбаюсь: обожаю девушек с характером. – И вообще,

тебе нельзя на меня смотреть.

– Кто сказал?

– В нашей стране это карается законом.

– Сдашь меня?

Присаживаюсь, чтобы собрать разбросанные по полу стручки.

– Может быть.

Поднимаю голову и смотрю на нее снизу вверх. Член в штанах дергается, и мне приходится приложить нечеловеческие усилия, чтобы не нырнуть ладонью под длинный подол шелкового халата, который наверняка скрывает невероятно гладкую кожу. С другой девушкой я бы, скорее всего, так и поступил. А что? Атмосфера располагает. Да, кухня, но на ней столько удобных поверхностей, что можно было бы разложить на них девушку и трахнуть так, чтобы висящие над головой кастрюльки зазвенели, выдавая какую-нибудь классическую симфонию. Но с Амирой так нельзя. А жаль.

– Что ж, придется мне отсидеть в вашей тюрьме. Будешь меня навещать?

– Даже не думай, – фыркает она, а потом разворачивается и идет доставать чашку из пропищавшей микроволновки. – Что ты здесь делаешь посреди ночи?

– Пришел заварить себе кофе.

– Сварить.

– Что?

– Мы не завариваем кофе, мы его варим.

– Не вижу кофемашины, – встаю и осматриваюсь по сторонам, сжав в руке стручки.

– Потому что мы варим кофе в турке.

– Цивилизация не дошла до вас?

– Ха-ха, – медленно отзывается Амира, а потом поворачивается и протягивает руку за стручками.

И в этот момент время останавливает свой бег. Не знаю, какого черта творится на этой кухне, но я, кажется, слышу потрескивание в воздухе, когда медленно подхватываю ее ладонь снизу, а потом вкладываю в нее ваниль. Между нашими руками пробегает электричество. Амира тоже это замечает, потому что ее глаза слегка расширяются, и она пытается отдернуть руку, но я сжимаю ее своими пальцами. У нее шелковистая кожа, приятная на ощупь. Я удерживаю зрительный контакт, но мы оба слегка хмуримся. Краем глаза замечаю, как часто поднимается и опускается под шелковой тканью грудь Амиры. Хочу опустить взгляд и проверить, напряглись ли ее соски, так ли ей кайфово от этого контакта, как и мне, но не решаюсь. Иногда переступать черту действительно не стоит.

Наконец, после пары минут молчаливого напряжения, я разжимаю пальцы и выпускаю руку Амиры из плена своей. Она тут же резко отворачивается и начинает колдовать над своей чашкой, добавляя какие-то ингредиенты, промывая стручки, а потом разрезая один из них и выуживая оттуда зерна. Я наблюдаю за ее тонкими пальцами как заворо-

женный. До чего же она красивая! От макушки и до кончиков пальцев. И коса эта толстая, которую хочется обхватить пальцами, потянуть за нее, заставив Амиру откинуть голову назад, чтобы я мог свободно впиться губами в ее шею.

Не удержавшись, подхожу ближе, практически вплотную. Берусь за кончик ее косы и растираю его между пальцами. Ее волосы такие же нежные и мягкие, как и кожа. Которая пахнет, как... экзотические цветы, море, солнце и фрукты. Как будто впитала в себя все самые лучшие ароматы, которые не может перебить даже запах теплого молока с медом и ванилью.

– Научишь меня варить кофе в турке? – спрашиваю негромко, в нескольких сантиметрах от ее уха.

Амира застывает, превращаясь в каменное изваяние.

– Отойди, пожалуйста, – звенящим голосом просит она.

Ее просьба ставит меня в тупик. Мне казалось, что ей тоже нравится наша близость. Но, повинаясь просьбе, отступаю на шаг назад. Дальше не могу, у меня на ногах как будто пудовые гири, которые держат возле Амиры.

Она поворачивает голову в сторону, словно проверяя боковым зрением, отошел ли я, а потом снова отворачивается, шумно выдыхая.

– Ничего сложного, – слегка дрожащим голосом говорит Амира. – Засыпаешь в турку сахар и поджариваешь его, пока не станет коричневым. Потом заливаешь воду, кипятишь ее, снимаешь с огня. Дальше насыпаешь кофе, специи – если

любишь, – и снова ставишь на огонь. Дашь закипеть, сни-
маешь с огня, и так два-три раза. Кофе готов.

К концу описания рецепта Амира полностью овладевает своим голосом и наконец выпрямляет спину и опускает плечи. Ее тело покидает напряжение, которое я наблюдал до этого. Движения становятся мягче и грациознее, когда она убирает все по местам и выбрасывает отслуживший стручок в ведро под раковиной. И, наконец, она поворачивается ко мне, обнимая ладонями большую чашку. Голубые глаза впи-
ваются в меня, пронзая до самой души.

– Это очень сложно, – произношу я наконец, прочистив горло. – Нет рецепта полегче?

– Ты хочешь арабский кофе или любой?

– Мне бы такой, чтобы я мог до утра работать.

– А почему не спать?

– Я подписал выгодный контракт и теперь должен много работать.

– Это плохо, что ты работаешь ночью. Собьешь сон – будут проблемы со здоровьем.

– А ты почему не спишь?

Что-то такое мелькает в ее взгляде, от чего мне становится жарко. Амира тоже заливается краской, и я прищуриваюсь, словно так смогу прочитать ее мысли.

– Гм... В общем, кофе и специи в том шкафчике, – она указывает на висящий справа от меня. – Турка над печкой, вода в кране. Удачи.

Амира разворачивается и хочет уже выйти из кухни, когда я зову ее:

– погоди. – Она медленно поворачивается ко мне с вопросом в глазах. – Может, останешься, пока я буду осваивать турку?

Она колеблется пару секунд, но в итоге произносит:

– Доброй ночи.

И снова направляется к выходу.

– Доброй ночи, прекрасная Амира.

То ли от моих слов, то ли от своих мыслей, она ускоряется и быстро покидает кухню.

– Арабский кофе, значит, – бубню я себе под нос и иду к указанному шкафчику.

Остаток ночи я работаю, как и собирался. Сварив ароматный кофе с кардамоном по рецепту Амиры – тут, нужно признаться, я запомнил каждое произнесенное ею слово, – я засел за новый проект. Но периодически, сидя на балконе, отрывался от экрана и смотрел на безмятежное море, думая о девушке. К сожалению, не о своей. А о юной арабской красавице, которая взбудоражила все внутри меня. Возможно, я так реагирую, потому что она на самом деле для меня экзотика. Непознанная, непонятная, загадочная и закрытая. Полная тайн и какого-то неземного очарования. Но я ловлю себя на мысли, что меня привлекает не только это. В Амуре есть глубина – то, чего так не хватает современным девушкам.

Интересно, если бы ее отец появился на кухне в момент,

когда я практически зажал его дочь между столом и своим телом, он бы отрезал мне яйца? Что-то мне подсказывает, что он бы смаковал каждую секунду, отпиливая тупым ханджаром* мое достоинство со зловещей улыбкой на лице. Не скажу, что я бы с радостью принял наказание. Даже ради такой исключительной красавицы, как Амира. Но соблазн слишком велик, чтобы держаться от нее подальше.

Ближе к восходу солнца я встаю и, упершись ладонями в широкую балюстраду, окидываю взглядом море, а в следующее мгновение замираю и перестаю дышать. Как будто мое дыхание может потревожить изящную фигуру, которая несется к воде, на ходу сбрасывая шелковый халат. Время перед рассветом самое темное, поэтому все, что я могу разглядеть, – это тени и силуэты. В какой-то момент мне даже кажется, что это галлюцинации после особенного кофе, и поэтому я решаю проверить свою теорию. Быстро переодеваюсь в шорты. Памятуя о местных правилах, набрасываю на себя футболку, и как можно тише и быстрее пробираюсь на улицу. Так же, как и девушка несколькими минутами ранее, бегу от дома к воде, скрываясь из виду за огромными цветочными кустами и деревьями. Только оказавшись у самой кромки воды, я поднимаю с песка растекшийся шелковой лужицей халат и подношу его к носу. Шумно вдыхаю. Она. Это запах Амиры. И когда только успел его запомнить, что теперь безошибочно узнаю?

Слышу, как вдалеке раздается плеск, и поднимаю голо-

ву. В свете теперь уже тусклой луны я вижу только макушку Амиры, рассекающей волны. Быстро сбрасываю с себя футболку и тоже захожу в воду. Ох, и покарает меня их бог руками отца Амиры! Но будь я проклят, если не попробую хотя бы подружиться с ней.

*Ханджар – традиционный арабский изогнутый кинжал

Глава 4

Выныриваю с улыбкой на лице и приглаживаю волосы. Но вскрикиваю от ужаса, когда открываю глаза. В метре от меня по грудь в воде стоит Малоун. Его широкие, мускулистые плечи возвышаются над морской гладью, привлекая к себе внимание. Мои щеки вспыхивают, словно охваченные огнем, и я зажмуриваюсь.

- Привет, – как ни в чем не бывало произносит он.
- Виделись уже, – не совсем дружелюбно отзываюсь я.
- Не рычи, Амира, я всего лишь хочу подружиться.

Я слышу улыбку в его голосе и приоткрываю один глаз, чтобы посмотреть на наглеца.

– Зачем?

– Ты мне нравишься, – дернув плечом, просто произносит он, а я закрываю лицо ладонями и, насколько позволяет вода, резко отворачиваюсь.

– Ты не можешь мне такого говорить.

– Послушай, я совсем не знаю ваших традиций и заранее прошу прощения, если мои слова или действия как-то оскорбляют тебя. Если я сказал что-то неправильно, подскажи, что именно, я извинюсь и исправлюсь на будущее.

Я опускаю руки в прохладную воду, чтобы хоть немного остудить жар, разливающийся по телу.

– Ты не можешь смотреть на меня прямо. Не можешь за-

говаривать и тем более делать комплименты или говорить, что я тебе нравлюсь.

– А как тогда мужчины проявляют свою симпатию к вашим девушкам?

– Никак. То есть они идут к ее отцу и просят ее руки.

– Вот так сразу?

– Мгм.

Впервые в жизни я сожалею о наших традициях. Мне бы сейчас так хотелось поймать взгляд Малоуна. Смотреть на то, с каким восхищением он окидывает взглядом мое лицо и тело. От этого по коже рассыпаются щекочущие мурашки, из-за чего хочется скривить нос и захихикать.

– Тогда почему на кухне ты мне это позволила?

– Прости, – выдавливаю из себя.

– За что? – выдыхает он. – Это я должен просить прощения.

– За то, что провоцировала тебя. Что дала повод допустить запретные мысли.

– Ого, – только и отвечает он.

Знаю, это так дико в двадцать первом веке. Но благодаря таким правилам наши женщины чувствуют себя защищенными. И знают, что с ними не может произойти несчастья, потому что мужчины их уважают. Хотя я бы предпочла для женщин немного больше прав. Как минимум, возможность выбрать себе мужа и получить образование. Далеко не всем, к сожалению, доступна такая роскошь.

Я читала о девушке, которая ушла из семьи ради того, чтобы воплотить все перечисленное в жизнь. Вышла замуж за любимого, получила профессию, устроилась на работу. Она могла бы быть невероятно счастлива, если бы ценой такого счастья не стали отношения с семьей. Я бы умерла, наверное, откажись от меня родители и братья. Вот и получается, что я не могу определиться, чего хочу больше: свободы или остаться в привычном коконе заботы и безопасности своей семьи. Увы, совместить обе опции не представляется возможным, как бы сильно ни хотелось.

Папа никогда не позволит мне самой выбрать себе мужчину. Слишком много требований он предъявляет к моему потенциальному мужу, и далеко не каждый мужчина сможет соответствовать списку Заида Аль Мансури.

– Амира, – зовет меня Малоун, когда я огибаю его и начинаю плыть к берегу. – Не уходи! Подожди ты! – Я останавливаюсь и присаживаюсь так, чтобы вода покрывала мои плечи. Может быть, именно такие ситуации имел в виду папа, когда запрещал мне купаться в одиночку? – Я просто хочу пообщаться. Не стану подходить, если ты не хочешь. Буду на расстоянии и даже отвернусь. Мне интересно общаться с тобой, узнать ваши традиции, понять, чем вы живете.

– Зачем это тебе? – спрашиваю, не оборачиваясь.

Малоун молчит несколько секунд, а потом все же отвечает:

– Сам не знаю. Могу только сказать, что, наверное, восток

манит своей загадкой, таинственностью. Вы настолько отличаетесь от европейцев, что поразительно, как в одно и то же время на земле уживаются настолько разные люди. Вроде и технологии развиваются одинаково, интернет, космос и все такое. Но мы при этом будто живем на разных планетах.

Я улыбаюсь. Прекрасно его понимаю. Для него все это на самом деле ново и совершенно непостижимо, но, мне кажется, в Эмиратах нужно прожить если не всю жизнь, то большую ее часть, чтобы на самом деле проникнуться нашим менталитетом.

– Спрашивай, – осмелившись, предлагаю я.

– О чем?

– Ну что там тебе интересно.

– О, я даже растерялся. Гм. Ну ладно. Расскажи, почему женщины выходят за незнакомцев?

– Ну, не совсем за незнакомцев, – прочистив горло, отвечаю я. – Например, я знаю своего жениха с детства.

– Жениха? – резко спрашивает Малоун. – У тебя есть жених?

– Ну да, – тише отвечаю я.

– Тебе же всего восемнадцать.

– Это в твоём мире женщины могут до тридцати не создавать семью, здесь так не принято. Я обручена с шестнадцати.

– Серьезно, что ли?

Его голос стал громче, а мой затылок покрылся мурашками – явное свидетельство того, что Малоун на меня смотрит.

– Ты повернулся?

– Ой, прости, это я от шока.

Когда мурашки пропадают, а голос Фоули младшего становится тише, я снова могу свободно дышать.

– И каково это – ощущать, что ты в таком юном возрасте уже принадлежишь какому-то мужчине?

– На самом деле, Мустафа младше меня на год. Но мы росли вместе, и, по сути, я знаю его достаточно неплохо. К тому же, у него традиционное воспитание, а потому я знаю, чего ожидать от нашего брака, и спокойно воспринимаю свое будущее.

– А чего хочешь ты, Амира?

– В каком смысле? – спрашиваю я, пытаюсь утихомирить разогнавшееся сердце. Оно подскакивает вверх, потом ухает вниз и снова трепещет в груди.

– В любом. О чем ты мечтаешь? – Я тяжело сглатываю. Неудобно озвучивать свои мечты, они слишком смелые. – Ну же, признайся. Здесь, кроме нас, никого нет. Никто тебя не осудит, а я точно пойму, потому что сам люблю делать то, что мне нравится, и ненавижу принуждать себя к чему-то.

Кусаю нижнюю губу, решаясь на этот разговор. Он ведь не принесет ничего плохого, правда? В конце концов, Фоули покинут наш дом через пару дней, и, возможно, я больше никогда не встречу Малоуна. Это ли не повод выплеснуть то, что накипело?

– Я хочу выйти замуж за любимого мужчину. Не за того,

с которым будет просто безопасно и у которого достаточно денег, чтобы обеспечить мне и нашим детям безбедное существование. Не за серьезного мужчину с хорошей наследственностью. Хочу за того, с кем мне интересно. С кем будет нравиться общаться, путешествовать, смеяться. А еще я не хочу рожать детей в девятнадцать только потому, что так положено. До продолжения рода я хочу получить образование, насладиться отношениями с мужем, увидеть мир и познать новое.

– Ты не путешествуешь?

– Немного с семьей, но это же совсем другие ощущения. С ними не пойдешь ночью гулять по пляжу, не проведешь ленивый день в бунгало. К тому же... – запинаясь, потому что мне нужна вся моя смелость, чтобы озвучить свои мечты. – Я бы хотела прокатиться на доске, например.

– Ты имеешь в виду серфинг?

– Да.

– О, так я могу тебя этому научить! – восклицает Малоун.

– Не можешь, – грустно отзываюсь я. – Харам.

– Что это значит?

– Запрещено. По-хорошему, и этого разговора быть не должно. После него тебе пришлось бы на мне жениться, – с улыбкой произношу я. – Но не волнуйся, я тебя не выдам. Тебе не придется жениться на малознакомой девушке.

– Я не волнуюсь, – севшим голосом отвечает Малоун, и я слышу его голос так близко, как будто он стоит прямо у меня

за спиной. — Я бы женился на тебе.

— Не говори глупостей, — в моем голосе тоже появляется хрипотца.

— Это не глупости. Ну смотри, — он огибает меня и присаживается напротив. — Мы нравимся друг другу, наши мечты совпадают.

Я отворачиваюсь, чтобы не смотреть на Малоуна, потому что он и в самом деле нравится мне, но совершенно мне не подходит. К тому же, эти спонтанные решения вряд ли приведут к положительному результату.

— Что ты молчишь, Амира? Посмотри на меня.

— Нельзя, — тихо отвечаю я.

— Но почему, черт побери?

Я заливаюсь румянцем от его ругательства, а потом обхожу Малоуна и сновадвигаюсь к берегу. Зря я рассказала ему. Зря вообще послушалась и осталась. Вот эти глупые надежды, которые он пробуждает во мне своими словами, до добра не доведут. Всего на мгновение я успеваю представить себе, как будет выглядеть наш брак, и тут же сгораю от стыда и ужаса. Этому никогда не бывать, так что нечего грезить о несбыточном.

— Амира, погоди. Я снова обидел тебя?

— Нет, — бесцветным голосом отвечаю я, выбегая на песок.

— Тогда почему ты сбегаешь?

— Потому что... — хватаю халат и быстро набрасываю его на себя, немного успокоившись, только когда оказываюсь

в коконе шелковой ткани, — потому что все это слишком неуместно. И запрещено. И... Не иди за мной, пожалуйста, — прошу я, когда вижу, что Малоун, подхватив свою футболку, следует за мной.

— Амира... — зовет он, остановившись.

Я бросаю на него быстрый взгляд и сбегая. Столько запретов, которые мне хотелось бы преодолеть, но не хватает смелости. Слишком долго в меня вкладывали эти постулаты, чтобы вот так, по щелчку пальцев, от них отказаться. Как если бы мне всю жизнь говорили, что бассейн — это опасно, и я решаюсь окунуть в воду, которая манит меня как магнит, лишь пальчик, только бы узнать, что меня не поглотит страшная пучина. На большее я не решаюсь, потому что последствия непредсказуемы. Хотя в моем случае их довольно легко предсказать. Мужчина, который вырос в другом обществе, воспитывался во вседозволенности, никогда не станет мне парой. Потому что никогда не поймет всех рамок, которые я не переступлю.

Глава 5

Рассвет я встречаю на своем балконе, глядя на то, как поднимается солнце. Сна ни в одном глазу, как будто я безмятежно проспала всю ночь. Но состояние мое оставляет желать лучшего. Никакого умиротворения и спокойствия. Мышцы напряжены, а сердце грохочет в груди, отбивая нестройный ритм. Прикрываю глаза, впитывая тепло первых солнечных лучей, и улетаю мыслями в эту странную предрассветную встречу. Зачем он пришел? Зачем завел этот разговор? Неужели ему не все равно? Хотя он же сам сказал, что пытается постигнуть восточных людей. Я, видимо, показалась ему достойным кандидатом, чтобы приоткрыть завесу тайны в нашу жизнь. Ну конечно, я ведь так разболталась, забыв, где и с кем нахожусь.

– Амира! – зовет меня Тина.

– Я на балконе!

Она врывается ко мне так, словно на пожар спешит.

– Давай собираться скорее, вы едете в Абу-Даби.

– Правда? – я подскакиваю с кресла и с восторгом смотрю на нее. – Зачем?

– Твой отец хочет провести день в городе с вашими гостями.

– О, – только и могу выдавить из себя.

Это значит, что Малоун тоже с нами поедет? Может, мне

остаться дома и спокойно пережить тот позор, который я на себя навлекла своим длинным языком? А вдруг он расскажет моему отцу, что я оказалась такой болтливой и дерзкой? Что позволила себе купаться ночью с мужчиной и разговаривать с ним. И... позволила ему разглядывать меня?..

Не успеваю осознать весь ужас своего поведения, как Тина уже затаскивает меня в комнату.

– Сначала душ, а я пока подберу тебе одежду.

– Я уже была в душе.

– Во сколько же ты проснулась, девочка? – она тормозит по пути в гардеробную и хмуро смотрит на меня, уперев руки в бока.

– Я не ложилась, – шепчу, проходя мимо нее.

– Как это – не ложилась? Амира, если родители узнают...

– Да знаю я. Просто не говори им ничего. Никто меня не видел.

– И чем ты занималась? – прищурившись, спрашивает она, входя следом за мной в гардеробную.

– Плавала. Пила молоко. Читала. Слушала музыку, – отвечаю я, снимая вешалку с гандурой.

Тина забирает ее из моих рук и укоризненно заглядывает мне в глаза.

– Ты же знаешь, что тебе запрещено купаться одной.

– Знаю.

Про Малоуна я решаю не упоминать, потому что тонкая натура Тины точно не выдержит такого. Если она и не побе-

жит выдавать меня родителям, то, по крайней мере, прочитает мне длинную лекцию о морали, а потом станет ходить ко мне и читать Коран вслух. Но я и так знаю, что нарушила чуть ли не половину заповедей, и корю себя за это. И тут же с ужасом осознаю, что, представься мне такая возможность, я бы повторила эту ночь. Потому что мне нравится внимание Малоуна. Потому что я, как и всякая женщина, нуждаюсь в комплиментах и признании со стороны мужчин. Тем более, когда это недоступно.

Мы едем, как всегда, в двух машинах. Женская половина нашей семьи и миссис Фоули разместились в нашем джипе. Мама болтает с Мишель, а мы с сестрой Салихой играем на ее планшете. Я не прислушиваюсь к их разговору, обсуждая с Салихой, какого цвета платье подойдет принцессе со светлыми волосами, но тут мои уши улавливают знакомое имя, и мне кажется, они шевелятся, настраиваясь на то, о чем говорят слева от меня.

– Малоуну нравится путешествовать, поэтому и профессию он выбрал такую, чтобы была возможность работать удаленно, – говорит миссис Фоули. Внутри меня все переворачивается, а щеки вспыхивают от упоминания его имени. Надо признать, я немного завидую, что семья не препятствует его выбору. – Сейчас он, по-моему, влюбился в вашу страну. Хочет попробовать все, что здесь доступно: от поездок по пустыням до банджи-джампинга.

– О, увлечений у нас хватает, – отвечает ей мама, и я

слышу в ее голосе улыбку.

– Для меня это не развлечения, я не экстремал. Адреналина мне и в жизни хватает. Но Мал вырос на доске для серфинга, они с Финном часто катались, когда сыну еще даже двух лет не исполнилось. Так что у него эта тяга к приключениям с самого рождения. Или даже в крови, – негромко добавляет она.

Так вот как она называет сына: Мал. Интересное сокращение. Мне нравится. Как-то очень интимно, по-домашнему. Не каждый так назовет сына Фоули, потому что, несмотря на его открытый, доброжелательный взгляд и искреннюю улыбку, которую он щедро дарит окружающим, от него веет опасностью. Не такой, как от людей, занимающихся чем-то противозаконным, а такой, в которой содержится некая тайна. При общении с ним складывается впечатление, что при необходимости он может применить силу. С такой же беззаботной улыбкой на лице. Наверное, такая аура должна пугать или отталкивать, но меня почему-то манит к нему, несмотря на все сигналы, которые вспыхивают в голове. Здравый раскусодок как будто предупреждает об опасности, но я успешно его игнорирую.

– Амира, а ты собираешься поступать в университет? – спрашивает миссис Фоули, повернувшись лицом ко мне.

– Амира сначала должна выйти замуж, – отвечает за меня мама.

– Так рано? – миссис Фоули переводит взгляд расширив-

шихся глаз с меня на маму и обратно.

– Такие у нас порядки, – спокойно отзывается мама, переводя на меня взгляд таких же голубых глаз, как и у меня. – Амира помолвлена с шестнадцати.

Для пущего понимания шока Мишель не хватает только шумного «Ах» и ладони, прижатой к груди. Потому что открытый рот, поднятые брови и огромные глаза свидетельствуют о том, что она на самом деле обескуражена таким проявлением мамы.

– Все это очень... необычно для нас, – запнувшись, произносит миссис Фоули, все еще переводя ошарашенный взгляд с меня на маму. – У нас, наоборот, девушки сначала...

Она не успевает договорить, как мама ее перебивает:

– В каждой стране свои порядки, правда? – Я вижу, что ее губы – в отличие от глаз – улыбаются.

Ну конечно, им с папой пришлось приложить столько усилий, чтобы убедить меня, что «я хочу замуж». Потому что туда я точно не рвусь. Несмотря на то, что брак моих родителей очень счастливый, и папа до сих пор носит маму на руках – в прямом и переносном смысле, – все же мне хотелось бы сначала добиться чего-то в этой жизни, стать более самостоятельной и только потом связывать себя узами на всю жизнь.

– А остальные ваши дети? – спрашивает мама, возвращая свое внимание Мишель, когда убеждается, что я не стану выяснять, как живут девушки в Европе и на островах. Интересно, мама и правда считает, что при наличии доступа в интер-

нет я не знаю ничего о жизни людей в других странах?

– Райан студент, учится на факультете бизнеса в Дублине. Нолан студент медицинского колледжа, будущий дантист, – с улыбкой говорит миссис Фоули. – Патрик тоже студент и тоже на медицинском, но он будет реабилитологом. Наша дочь Ниса – ровесница Амиры, – она тепло улыбается мне. – Ниса очень хотела приехать вместе с нами, но у нее сейчас поступление в колледж, и она приняла решение остаться дома. Слишком уж нервный период для нее, а она не любит показывать свои слабости.

– И все ваши дети занимаются серфингом?

– Они выросли у океана, – Мишель кивает, – так что у них не было шансов.

– А дочка?

– Ниса, как и Мал, с первых дней на доске с Финном. Так что да, она такая же заядлая серфингистка, как и ее старший брат.

– Не тяжело было с таким количеством детей и без помощников? – вклиниваюсь я в разговор. – Простите, я просто помню, что у вас почти нет прислуги в доме, – краснею, потому что все внимание в машине обращено теперь на меня.

– Мал помогал нам с двух лет. Сам еще был крошкой, а уже пытался ухаживать за младшим братом. И Финн много времени уделял детям, пока они росли. Как, впрочем, и сейчас.

— Это так здорово, когда старшие помогают с младшими, — вставляет мама. — У нас детьми тоже часто занимается Амира.

— Это замечательно, что у нее есть возможность получить опыт еще до брака.

«Да уж, замечательно», — ворчу про себя, несмотря на то, что очень люблю свою семью. Иногда так хочется отдохнуть от бесконечной опеки над младшими.

— О, мы на месте, — радостно произносит мама, когда водитель въезжает на подземную парковку торгового центра.

Наша семья любит посещать это место. Обычно здесь мы занимаемся шопингом, но еще чаще просто гуляем, ходим в огромный аквариум, чтобы полюбоваться на рыб, акул и «русалок». Мы можем провести в центре целый день и не обойти всех развлечений, которые в нем есть. И пусть я уже настолько привыкла ездить сюда, что отношусь к нему спокойно, но все равно каждый раз радуюсь, потому что люблю проводить время с семьей.

Только вот сегодня трепет в груди вызван другими обстоятельствами: с нами на прогулку отправится парень, который за пару дней перевернул мой мир, сделал меня смелее, чем я была за все восемнадцать лет своей жизни.

Мы выходим из машин и направляемся к огромному лифту, который поместит всю нашу компанию без разделения на женскую и мужскую части. Я украдкой смотрю на Малоуна и тут же, покраснев, отворачиваюсь, потому что встречаюсь с

ним взглядом. Внимательным и восторженным. Этот взгляд смущает меня, но и заставляет бабочек в животе отчаянно бить крыльями. Я чувствую его и неосознанно выпрямляю спину и расправляю плечи. Мои движения сами собой становятся более плавными.

Опускаю руку, в которой держу маленькую сумочку на цепочке, и чувствую, как что-то тянет мой рукав. Незаметно осмотрев всех и убедившись, что они заняты разговорами, поворачиваю голову, чтобы посмотреть, за что я зацепилась, и тут же замираю. Сердце пропускает удар. Потому что длинные пальцы Малоуна обхватили край ткани и медленно трут ее, как будто ощупывая. Двигаюсь взглядом по его руке выше к плечу, прослеживаю шею, крепко сжатую челюсть, на секунду задерживаюсь на чувственных губах, а потом сталкиваюсь с его взглядом и замираю. И просто тону в темных омутax его глаз, которые с каждой секундой все больше поглощают меня, засасывают все глубже. Во взгляде Малоуна нет ни тени улыбки, он смотрит абсолютно серьезно, но так внимательно, словно ласкает им душу. Это запретный контакт, но такой желаемый.

Лифт издает звон в тот момент, когда у меня становятся мягкими колени, а пальцы начинают подрагивать. Он не касается меня, кроме как все еще держит за край рукава, но, по ощущениям, ласкает все мое тело от макушки до пят. И от этого незримого контакта по телу разбегаются мурашки.

Глава 6

Наша прогулка включает обычный маршрут: аквариум, лабиринт для детей, кафе. Когда мы добираемся до любимого заведения, Карам с Салихой уже присмирели, порядком набегавшись. Хостес тут же провожает нас к любимому столу папы. Не знаю, договаривается ли он заранее, но обычно к нашему прибытию это место всегда свободно. Пока все рассаживаются на больших подушках вокруг круглого, сияющего витражами дастархана, я веду детей в уборную, чтобы помыть руки, а когда возвращаюсь и брат с сестрой занимают свои места, оказывается, что для меня осталось только одно: рядом с Малоуном. Эта близость будоражит. Там, в лифте, моя кровь закипала, а сейчас, от осознания, что мне предстоит сидеть рядом с ним не меньше часа, сердце делает кульбит и трепыхается в груди, словно птица в клетке.

Мы приступаем к обеду. За столом льются разговоры, мама постоянно одергивает брата с сестрой, чтобы те не ругались и вели себя прилично, параллельно обсуждая с миссис Фоули принципы воспитания детей. Папа с мистером Фоули увлечены беседой о перспективах бизнеса. И только мы с Малоуном молчим. Не смотрим друг на друга, но каждой клеточкой тела я чувствую его внимание ко мне. Оно выражается в мелочах: то он подливает мне кофе, то джалляб. Подкладывает на тарелку фрукты, якобы чтобы официант

мог унести пустую тарелку, но я точно знаю, почему он это делает. Или просто хочу верить в это.

Когда обед подходит к концу, я, извинившись, следуя в книжный магазин, сопровождаемая одним из охранников отца. Мои родные собираются посетить террариум, а я ненавижу пауков и всю эту нечисть. Даже не ненавижу, а страдаю арахнофобией. Родители знают об этом и никогда не заставляют меня ходить с ними. А вот Карам, напротив, очень любит холонокровных, поэтому в террариум ходит при каждом удобном случае.

Охранник остается снаружи магазина, позволяя мне в одиночку бродить между высокими полками, и я направляюсь в отдел биографий в поисках новой книги, которая придала бы мне сил для дальнейшей борьбы за свою самостоятельность. Периодически я читаю такую литературу, потому что истории жизни успешных женщин нашей страны вдохновляют меня и дарят надежду, что и для меня, возможно, не все потеряно.

– Амира, – раздается шепот по другую сторону полки, и я замираю на мгновение. Вынимаю две книги и встречаюсь со взглядом темных глаз, которые и так не дают мне покоя ни днем, ни ночью. Мал улыбается. – Привет.

– Ты что здесь делаешь? Тоже за книгой пришел?

– Не сочти за оскорбление, но... – Он кусает губу, привлекая к ней мое внимание. – Я пришел побыть с тобой.

– Малоун...

– Погоди. Я не пытаюсь тебя оскорбить или скомпрометировать. Просто... Знаешь, я, возможно, единственный из нас двоих, кто испытывает это притяжение, но позволь мне немного переступить границы.

– Каким образом? – рвано выдыхаю я.

– Положи сюда руку. – Он протягивает свою ладонь, укаывая на пустое пространство на полке между нами. – Со стороны будет казаться, что ты просто тянешься за какой-то книгой.

– Зачем мне это делать?

– Я хочу... коснуться твоих пальцев.

Ловлю его абсолютно серьезный взгляд, и мои глаза расширяются. Коснуться моих пальцев? Нельзя касаться! Харам! Но соблазн так велик, что пальцы подрагивают от предвкушения запретных ощущений. Мне так страшно и так сильно этого хочется.

Я воровато оглядываюсь. Знаю, что в магазине есть камеры, и мне остается только мысленно молиться, чтобы одна из них не была направлена прямо на меня. Потому что рука уже сама тянется «за книгой». Как только моя ладонь оказывается прижата к полке, пальцы Малоуна, словно в замедленной съемке, аккуратно касаются моих. По коже разбегаются мурашки, и я непроизвольно вздрагиваю, а потом сталкиваюсь со взглядом наглого ирландца. Он предельно серьезен. В глазах ни тени насмешки или даже улыбки. Я вижу, как сильно раздуваются его ноздри от тяжелого дыхания. Неуже-

ли наверняка искушенного парня этот контакт волнует так же, как и меня?

Перевожу взгляд на наши руки. Моя ладонь кажется такой крошечной по сравнению с его, широкой и испещренной венами, что я застываю ненадолго в этом моменте, запоминая изображение контраста. Твердые подушечки его пальцев щекочут мои, но у меня нет желания отдернуть руку и прервать контакт. Я лишь тяжело сглатываю. Европейские девушки, наверное, посмеялись бы надо мной из-за того, как тяжело я решалась на прикосновение и как сейчас им взволнована. Им не понять, как невероятно страшно на такое пойти девушке из моей страны.

Когда Малоун смелеет и накрывает своей ладонью мою, на меня накатывает паника. Одно дело, когда он просто прикасается, и совсем другое – когда сжимает мою руку. От этого кровь во всем теле начинает бежать быстрее, и меня охватывает жар. Сейчас я впервые радуюсь, что мое лицо закрыто, и Мал может видеть только глаза. В них наверняка отражается испуг, но это его не останавливает. Нужно отдать ему должное, Малоун не пересекает черту – не считая самого факта прикосновения. Он не пытается нырнуть своими настойчивыми пальцами под рукав и погладить запястье. Мне кажется, что я бы умерла от такого. От страха или волнения, не знаю. Но пока одно лишь сжатие ладони творит со мной такое, что, узнай отец об этом, убил бы меня, наверное.

Подержав меня за руку еще пару секунд, Мал соскальзы-

вает к пальцам, и по движению я догадываюсь, что он хочет сплести их со своими, поэтому в испуге отдергиваю руку. Бросив на Малоуна испуганный взгляд, бросаю на нижнюю пустую полку книги, которые держала в другой руке, и выбегаю из магазина.

Я должна успокоиться и уgomонить сошедшее с ума сердце, но мне никак не удастся сделать полноценный вдох. Кажется, каждый находящийся в торговом центре знает и видел, чем мы с Малом занимались в книжном магазине. Мне даже мерещится, что я вижу их осуждающие взгляды. Еще немного, и они начнут тыкать в меня пальцами, вслух описывая все то, что Мал делал со мной между полками. На первый взгляд, ничего криминального. Но мы смотрели друг другу в глаза, разговаривали, касались. Этого достаточно, чтобы меня осудить или заставить Малоуна жениться на мне. Потому что моя честь опорочена этим поступком.

Подойдя к террариуму, я радуюсь, что у меня есть еще немного времени, чтобы перевести дух, пока моя семья заканчивает экскурсию. Я присаживаюсь на скамейку и принимаюсь разглядывать торговый центр. Сердцебиение понемногу нормализуется, я и даже начинаю скучать. Но все это длится ровно до того момента, пока Малоун не выходит из-за угла. Увидев меня, он резко тормозит. Между нами пару десятков метров, так что обвинить нас в игре в гляделки никто не смог бы. Поэтому мы бесстыдно смотрим друг на друга.

Я позволяю себе больше, чем должна. Преодолевая сму-

щение, прослеживаю взглядом его фигуру в джинсах и футболке, задерживаюсь на крепких бедрах. По ощущениям, пылают даже мои веки, но когда еще я решусь так откровенно смотреть на мужчину? Так зачем отказывать себе в этом удовольствии? Периодически мы сталкиваемся взглядами, а потом я продолжаю рассматривать его тело. Широкие плечи, крепкие предплечья, живот, скрытый тканью футболки, бедра, ровные ноги. Его непослушную копну волос, из-под которой выглядывают густые брови. И снова глаза. Контакт на несколько секунд, и взгляд опять съезжает ниже по груди и рукам, пока не останавливается на широких ладонях. Моя кожа все еще помнит горячее прикосновение одной из них: сначала крепкий, но бережный захват вокруг моей кисти, а затем ласковое, едва заметное поглаживание пальцев.

Прикрываю глаза, перенасытившись запретными ощущениями, а потом снова открываю, но Малоуна уже нет на том месте. Дернув головой, вижу, как он обходит этаж по периметру, чтобы добраться до террариума, поэтому отворачиваюсь и больше не смотрю на ирландца. Слишком он будоражит мою кровь. Вызывает чересчур много эмоций, которые я испытывать не должна. Но как же хочется!..

– Амира, давно ждешь? – вздрагиваю от голоса папы и поднимаюсь со скамейки.

– Всего пару минут.

– Ты хорошо себя чувствуешь? У тебя лицо горит.

– Как ты можешь знать? Оно скрыто шелой.

– Щеки немного видны.

– Все хорошо, папочка.

– Ну что, пойдём в сад? Дети хотят на горки.

– Да, – выдыхаю я.

Когда вся семья и наши гости оказываются снаружи, мы идем в крытый сад, где установлены площадки для детей. Карама и Салиху можно будет оставить там на пару часов, пока мы прогуляемся еще. Я внимательно слушаю, как мой младший брат рассказывает о своих впечатлениях, полученных в террариуме. Слишком внимательно, нужно сказать, и мама может что-то заподозрить. Потому что даже разговоры об этом страшном месте всегда вызывают у меня зуд и повергают в ужас. А если еще представлять все то, что описывает Карама – как по его руке лазил огромный паук с мохнатыми лапками, – я рискую покрыться пятнами.

– И папа пообещал мне купить тарантула, если я выучу остальные буквы и прочитаю сам книгу со сказками.

– Купить, чтобы паук жил у нас в доме? – сквозь грохот крови в ушах я наконец отчетливо слышу, о чем говорит брат.

– Ну да. Они такие лапочки, Амира.

– Карама, это же гадость, – кривится Салиха.

– Ничего не гадость, они красивенькие.

Я перевожу полный ужаса взгляд на отца, который с невозмутимым видом шагает рядом с мистером Фоули. Будь мы одни, я бы прямо сейчас задала ему вопрос о пауке, но

при гостях это будет неприлично. Все семейные вопросы должны выясняться за закрытыми дверями. Папа ловит мой взгляд и слегка приподнимает брови в немом вопросе. Я качаю головой, чтобы дать ему понять, что вопрос не срочный. Хотя он срочный! Это вопрос жизни и смерти практически! Я же могу умереть от страха в собственном доме!

Как-то мы с Тиной смотрели передачу о путешествиях, и в одном из выпусков речь шла об Австралии. Так вот, я тогда сказала, что в случае, если нашу планету охватит огонь, и только Австралия останется оазисом безопасности, я лучше стану пеплом, чем поеду туда, где за ночь пауки могут оплести паутиной целый автомобиль. Это же кошмар наяву!

– Амира, ты не бойся, – пытается успокоить меня Карам. – Мои пауки будут жить только в моей комнате в собственном террариуме.

– Пауки? Во множественно числе? – севшим голосом спрашиваю я.

– Ну да. Там столько видов! И я хочу все, – радостно кивает брат, а я чувствую, что красные до этого момента щеки мгновенно теряют цвет.

– С тобой все хорошо? – слышу за спиной негромкий голос Мала.

Киваю, чтобы дать понять, что я в порядке. В относительном, но все же.

Но ощущение того, что он идет рядом, каким-то образом почувствовав мое паническое состояние, согревает мое серд-

це. Напрасные надежды, которые стоило бы гнать из своего сердца, расцветают во мне буйным цветом. Чуть позже я обязательно буду корить себя и заставлять забыть об этом мужчине. А сейчас, на мгновение прикрыв глаза, пропитаюсь его заботой и вниманием.

Глава 7

– Мне не нравится, какие взгляды на тебя бросает этот парень. Малоун, – произносит мама вечером, присев рядом со мной в саду.

– Какие? – спрашиваю спокойным тоном, хоть и чувствую, как тело снова охватывает жар.

– Заинтересованные, Амира, – неодобрительно поясняет она.

– А я здесь при чем? – спрашиваю, дернув плечом.

– Ты не давала ему повода?

Мои глаза округляются, когда я смотрю на маму.

– Какого повода, мама? Что я должна была сделать, чтобы его остановить? Да и вообще, не видела я никаких взглядов.

– Он смотрит на тебя так, словно... как будто ты ему что-то пообещала.

– Я не могла ему ничего обещать! – взвиваюсь, злясь на себя и Малоуна за то, что скомпрометировал меня.

– Тише-тише, – мама тянет меня за руку, чтобы усадить на скамейку, а я даже и не заметила, как подскочила на ноги. Кажется, я переигрываю. – Успокойся. Амира, пойми правильно: ты обручена. Более того, с сыном папиного лучшего друга. Мы не можем просто так разорвать помолвку. К тому же, сын Фоули тебе совсем не подходит.

– Почему это?

– Ну вот! – восклицает мама, ткнув пальцем в мою сторону. – Я так и знала, что ты им заинтересовалась!

– Нет же! Мне просто интересно, почему вы считаете его неподходящей партией для меня. Он сын папиного партнера по бизнесу, из хорошей, состоятельной семьи, сам хорошо зарабатывает.

– Откуда ты знаешь? – прищурившись, спрашивает мама.

– Догадываюсь по его профессии. Я слышала, как миссис Фоули рассказывала о сыне.

– Амира, – выдыхает она, беря мою ладонь в свои руки. – Малоун красивый парень и, уверена, умеет обращаться с девушками. Но его можно сравнить с огромным котом. Он будет кружить вокруг тебя, соблазняя мурлыканьем, а при случае выпустит когти и пойдет дальше тереться о кого-нибудь другого. Это такой тип мужчин. Взгляд с поволокой, низкий, бархатистый голос, красивое тело. Но не это должно быть главным в мужчине.

– А что?

– Надежность и безопасность. Ты ведь знаешь, сколько опасностей подстерегает женщину в этом мире. Поэтому она нуждается в защите.

– Ну от кого, мама? – стону я. – Ты ведь вышла замуж по любви. Почему мне нельзя?

– Амира, я не могу рассказать тебе всю нашу с папой историю. Но поверь мне, он изначально мне подходил.

– Правда? – заинтересованно спрашиваю я. – Помнится,

ты рассказывала, что вы как раз были очень неподходящими. Из разных слоев, с разным материальным достатком. Что же изменилось?

– Любовь все изменила, – словно каясь, отвечает мама.

– Так почему я не могу полюбить неподходящего мужчину и стать его женой? Может быть, он именно тот, кто мне нужен?

Мама долго внимательно смотрит на меня, а я неудобно ерзаю под этим прожигающим взглядом. Такое ощущение, что она считывает все из моей головы и тут же делает собственные выводы. И что-то подсказывает мне, что эти выводы мне не понравятся.

– Так ты очарована Малоуном? – медленно, растягивая слова, спрашивает мама.

– Нет! Не очарована. Совсем. Мне просто интересно.

– Ясно, – задумчиво отвечает она.

– Мама, я просто теоретически спросила. Я ведь и Мустафой не очарована.

– Мустафа замечательный мальчик.

– Вот именно! Мальчик! Ему бы карьеру строить, учиться, а не возиться с новоиспеченной женой. К тому же... я люблю Мустафу, мама, но как младшего брата.

– Пф, у вас разница в год, – фыркает она. – Даже меньше.

– Ну и что? Мы совершенно разные!

– С каких это пор ты осмелилась оспаривать решение отца, Амира?

– Мама, – хватаю ее за руки, – представь себе, если бы тебя выдали замуж за нелюбимого? Это же все равно, что мне выйти замуж за Сабита.

– Амира, что ты такое говоришь? – кривится мама. – Сабит твой единокровный брат, а Мустафа тебе даже не родственник.

Я тяжело вздыхаю. Какой это по счету разговор? Сотый? Тысячный? И ведь знаю, что спорить бесполезно, а все равно пытаюсь. Даже не представляю себе, что могло бы переубедить моих родителей и Валида с Инас. Все они на сто процентов уверены, что мы с Мустафой составим крепкую пару, и, наверное, правы, только этот брак будет построен именно на традиционных ценностях: безопасности и уважении. Но никак не на любви. И уж тем более не на страсти. А мне хочется, чтобы в животе порхали бабочки и сбивалось дыхание от одного его присутствия. Я снова возвращаюсь мыслями к Малоуну, потому что рядом с ним у меня как раз так и происходит. Только все это бессмысленно. Послезавтра он и его родители сядут в самолет, и я, скорее всего, никогда больше его не увижу. С этим надо смириться, и я пытаюсь, но сердце отказывается.

Наверное, мама права, и знакомство со мной для Малоуна просто эпизод. Экзотика, которую ему не попробовать в привычных условиях. Но как же он сегодня смотрел на меня в книжном магазине! При одном воспоминании по телу снова рассыпаются мурашки. Он словно поглощал, впитывал,

заставлял просочиться в него и остаться там навсегда. Я бы осталась. Только все это иллюзия.

– Ладно, доброй ночи, дочка, – произносит мама, целуя меня в висок. – Ты тоже не задерживайся.

– Я еще немного посижу и пойду, – уверяю ее. – Молока только теплого выпью.

– А что такое? Плохо спишь?

– Нет, просто хочется, – вру, глядя маме прямо в глаза. Так я скоро и краснеть за свою ложь перестану. Это плохо, мне не нравится обманывать родителей. Но что делать, если я не могу сказать всей правды?

– Ну хорошо.

Мама поглаживает меня по плечу, а потом, развернувшись, покидает сад.

Я поднимаю голову к небу и впиваюсь в него взглядом, пытаюсь рассмотреть звезды, но их плохо видно из-за освещения в саду. Что ж, теперь нужно вести себя особенно осторожно в присутствии Малоуна, потому что мама будет следить за мной как коршун. А если она поделится своими догадками с папой... Тогда мне совсем жизни не дадут. Только бы он не надумал ускорить свадьбу, с него станется.

Спустя час поднимаюсь со скамейки и иду на кухню. Если не выпью теплого молока, снова не усну. Хотя кого я обманываю? Я и так вряд ли усну, несмотря на бессонную ночь. Голова немного кружится от усталости и недосыпа, но я упорно держу путь туда, где подсознательно надеюсь встретиться

с Малоуном. Сколько ни ругай себя, Амира, а ты все равно питаешь эти пустые надежды.

Войдя на кухню, осторожно осматриваюсь, а потом прохожу к холодильнику и зажигаю тусклый свет над рабочей поверхностью. Слишком медленно наливаю молоко, так же, не торопясь, достаю мед и ваниль. Что я творю? Прикрываю глаза, упершись ладонями в столешницу. Наверное, это усталость движет мной, напрочь отключая мозги.

Но в следующее мгновение все мысли отходят на задний план, потому что я всем телом ощущаю появление Малоуна. Он снова, как и в прошлый раз, становится за моей спиной. Слишком близко и волнующе, но не прикасается, не нарушает границ. Хотя что говорить? Он их уже нарушил.

– Я ждал тебя, – тихо произносит он, и его дыхание колыхнет тонкие волоски у меня за ухом, отчего шея покрывается мурашками.

– Зачем?

– Хотел увидеть. Мне недостаточно смотреть только в твои глаза.

– А куда еще ты хочешь смотреть? – спрашиваю и мысленно ругаю себя за такие вольности.

– Хочу видеть тебя всю.

Я резко вскидываю голову и открываю глаза. Грудная клетка вздымается в таком сумасшедшем ритме, что, кажется, я сейчас умру от нехватки кислорода. Нужно оттолкнуть его. Остановить, пока мы не перешли черту. Но я слабоволь-

но остаюсь стоять на месте, боясь даже пошевелиться, чтобы не подкосились ноги, настолько они ослабели.

– Ты же знаешь, это невозможно. К тому же, твои слова оскорбляют меня.

– Прости, Амира. Я не подумал. Я просто привык говорить то, что думаю.

– Тебе придется научиться фильтровать слова, которые вылетают из твоего рта, если ты хочешь общаться со мной.

– Я буду. Прости еще раз. А если я просто скажу, что мне мало времени с тобой? Это обидит тебя?

– Нет, – отвечаю шепотом.

– Амира, посмотри на меня.

Я медленно разворачиваюсь, оказываясь лицом к лицу с Малоуном. Слишком близко. Слишком. Мне даже кажется, что я могу почувствовать на своих губах его дыхание.

– То, что произошло в книжном магазине, больше не должно повториться, – твердым голосом говорю я, но на последнем слове он слегка дрожит, выдавая мои эмоции.

– Не повторится, – не моргая, отвечает Мал, словно замороженный, глядя на мое лицо. – Могу я сделать тебе комплимент?

Я тяжело сглатываю и прочищаю горло.

– Если он будет в рамках дозволенного.

– Мне тяжело в них держаться.

– Тогда лучше молчи.

Он качает головой, не отрывая от меня взгляда, из-за чего

мое тело вспыхивает.

– Ты невероятно красивая, Амира, – хрипло произносит Малоун. – Я никогда не встречал настолько великолепных девушек. Я словно околдован тобой. Ни о чем другом думать не могу. И я... мне невероятно сильно хочется поцеловать тебя, – медленно добавляет он, а мне приходится шумно втянуть воздух, потому что это наглость – заявлять такое, но от этой наглости тело дрожит. С одной стороны, хочется, чтобы он воплотил свое желание, а с другой, я понимаю, что это харам. Я должна оскорбиться, а не хотеть его поцелуя, только почему-то не получается.

– Малоун...

– Дай мне что-нибудь, чтобы дожить до завтра.

– Что? – шепотом выдыхаю я. Неужели все же поцелует? Непроизвольно облизываю губы, хоть и знаю, что не позволю этому случиться, а его взгляд уже впивается в мой рот. Это усугубляет ситуацию.

– Не знаю, – Малоун тоже переходит на шепот. – Что-нибудь. Любую кроху, которую ты дашь, я буду ценить.

Мозг отказывается работать и переваривать информацию. Я просто не могу сообразить, о чем он меня просит. Меня словно заклинило на несостоявшемся поцелуе, и теперь мысли хаотично мечутся в поиске ответа на его просьбу. Как будет правильно поступить? Отказать? Вырваться из кухни и убежать к себе? Что, если я и правда больше никогда его не увижу?

Повинуясь иррациональному порыву, стягиваю с головы шелу и, размотав ее, зажимаю тонкую ткань в кулаке. Отец убил бы меня, узнай он, что я показала волосы чужому мужчине. Завтра я и сама буду корить себя за это. А сегодня затуманенный бессонной ночью и близостью Малоуна мозг отказывается подчиняться правилам и логике. Протягиваю руку. Малоун пытается сжать мой кулак, но я отдергиваю его.

– Не касайся, – произношу строго.

– Прости, – выдыхает он, а потом тянет за кончик шелы, медленно – сантиметр за сантиметром – вытаскивая ее из моей руки.

Я упускаю последний шанс забрать свою вещь назад, когда она оказывается в руках у Мала. Он подносит шелу к носу и глубоко вдыхает, прикрыв глаза. Это так интимно и запретно, что будоражит меня не хуже самого крепкого кофе. По телу, до самых кончиков пальцев, проходит дрожь. Мне не следовало этого делать, но назад дороги нет. Мал прячет платок в карман своих джинсов, а я вздыхаю. Вот и все. Я отдала не просто кусочек ткани – я отдала кусочек себя. Непростительное поведение, порочное. Но как можно устоять перед этим мужчиной?

Резко развернувшись, я наконец сбегая. Сердце сбивается с ритма, дыхание застревает в горле, а на глаза наворачиваются слезы от осознания своего поступка. Но если вернуть меня на пять минут назад, как ни печально, я бы повторила его. Какая же глупая, недалёковидная Амира! И чуточку

влюбленная не в того парня.

Глава 8

Вернувшись в свою спальню, я принимаю долгий душ, который окончательно меня расслабляет. Укладываюсь в постель и уже думаю, что снова не усну, но стоит голове коснуться подушки, как я улываю в сон спустя считанные секунды. И снится мне Малоун. Он смотрит на меня внимательно, как смотрел вечером на кухне. Он касается меня. Везде. И это так пугает, что я задыхаюсь. Но в то же время волнительно. Тело горит, и по нему разбегаются мурашки. Я впервые в жизни испытываю такой калейдоскоп чувств, и мне сложно с этим справиться.

Просыпаюсь как от толчка, потому что фантазии завели меня туда, куда забредать не стоило. Рывком сев на кровати, прижимаю к груди ладонь, чувствуя, как под ней неистово колотится сердце. Зажмуриваюсь и, закрыв руками лицо, упираюсь ими в колени с негромким стоном. Если так будет продолжаться, я, наверное, сойду с ума.

– Доброе утро, – приветствует меня Тина, когда я вхожу в гостиную, где она взбивает подушки на огромном диване.

– Доброе, – растерянно произношу, оглядываясь по сторонам. – А почему в доме такая тишина? Где все? Не проснулись еще?

– Что ты? Уже одиннадцать. Никого нет.

– А где они? – спрашиваю, чувствуя, как брови подсаки-

вают вверх.

– Ваша мама повезла детей в школу, ей нужно поговорить с учительницей Салихи. Господин Заид работает.

– А Фоули? – пытаюсь сделать тон равнодушным, но мой голос звенит от напряжения.

– Улетели домой, – как ни в чем не бывало, Тина разбивает мой мир на кусочки. Мелкие осколки разлетаются в стороны, и даже если я расставляю руки, не смогу поймать их и склеить воедино.

– Как домой? – шепчу. – Они же должны были завтра уехать.

– Не знаю, Амира, – пожав плечом, отвечает она. – Может, стоит спросить у господина Заида?

– Эм-м-м, нет. Ладно, пойду завтракать, – уныло произношу я и спешу скорее скрыться на своем балконе, куда прошу принести еду.

Здесь, в уединении, я могу наконец дать волю чувствам. Правда, я и сама не до конца понимаю, что со мной происходит. В какой-то момент даже посещает мысль посетить доктора, потому что меня начинает беспокоить ноющая боль в груди и тахикардия. И ведь никто не разбудил, чтобы я могла попрощаться с нашими гостями! Даже Малоун, а он – уверена – мог бы найти способ передать мне весточку о своем отъезде. Значит, мои странные чувства не взаимны. Хотя чего еще можно было ожидать, если вчера я запретила ему прикасаться к себе? Еще и так грубо. Может, стоило позволить?

Но чего стоила бы тогда вся моя добропорядочность?

Вечером, поужинав с семьей и найдя кучу отговорок, почему мне надо вернуться в свою комнату, я наконец закрываю дверь и зарываюсь в ворох подушек, накрывшись одеялом. В комнате не холодно, но мне нужен этот кокон, чтобы успокоиться. Нужно что-то обыденное. То, что подарит мне ощущение, что в моей жизни ничего не изменилось. Но я вру сама себе. Конечно же изменилось. За какие-то несколько дней я узнала, каково это – чувствовать внимание мужчины. Видеть его горящий взгляд, понимать, что он абсолютно серьезен, разговаривать глазами, чувствовать его невинное, но пропитанное интимным желанием прикосновение.

Я вздрагиваю, когда в тишине комнаты пиликает телефон. Нахмурившись, подношу его к лицу и разблокирую, чтобы прочитать пришедшее в соцсетях сообщение.

Мал222: «Прости, что уехал, не попрощавшись. Если бы я еще хотя бы раз взглянул в твои глаза, то не смог бы улететь. Они как магнит для меня»

Сердце делает кульбит, тройное сальто и приземляется на середину арены, мягко спружинив.

Кусаю губу, раздумывая над тем, стоит ли ему отвечать. Но пальцы уже сами порхают по экрану, и, пока не передумала, я нажимаю кнопку «Отправить».

Принцесса Амира: «Хорошо долетел?»

Ответ приходит сразу же, словно он сидит с телефоном в руках в ожидании моего сообщения.

Мал222: «Спасибо, в порядке. Хочется увидеть тебя»

В последних трех словах столько отчаяния... или мне просто хочется, чтобы так было. Наверное, я вижу то, чего нет. Не знаю, что ему на это ответить. На самом деле, у меня много слов припасено для него, но я не стану писать ни одно из них, потому что тогда паду еще ниже.

Мал222: «Я снова переступил черту?»

Принцесса Амира: «Немного»

Мал222: «Я купил в аэропорту книгу о ваших традициях. Весь перелет читал, но пока еще не добрался до раздела с отношениями. Мне важно понять, что я могу тебе говорить, а что под запретом. Не хочу тебя оскорбить, но ты же помнишь, что я привык говорить то, что думаю. Амира, если я еще когда-нибудь задену тебя своими словами, знай, что это ненамеренно»

Принцесса Амира: «Я знаю»

Мал222: «Расскажи мне о своем дне»

Принцесса Амира: «О сегодняшнем?»

Мал222: «Да»

Тосковала по тебе. Сходила с ума, что не могу снова окунуться во внимание, которое ты даришь. Не могу снова называть тебя наглецом и запрещать трогать меня, но при этом сходить с ума от каждого нарушенного тобой запрета.

Принцесса Амира: «Обычный день»

Пишу только банальность, потому что боюсь перейти грань.

Мал222: «Чем занималась?»

Принцесса Амира: «Гуляла по пляжу»

Мал222: «Целый день?»

Принцесса Амира: «Нет, конечно»

Я представляю себе, как он это спрашивает. На лице ошеломленная улыбка, глаза искрятся весельем. В животе впервые за день начинают порхать бабочки, которые, как я думала, с отъездом Мала совсем отчаялись и умерли.

Мал222: «Тогда что еще ты делала?»

Принцесса Амира: «Тебе правда интересно?»

Мал222: «Правда»

Принцесса Амира: «Обычные дела, ничего особенного»

Мал222: «Ну как же? Мне интересно, чем занимаются принцессы»

Принцесса Амира: «Я не принцесса»

Мал222: «Восточная принцесса»

Принцесса Амира: «Ты смущаешь меня»

Мал222: «Прости, но я делаю это сознательно. Только так я могу представить себе румянец на твоих щеках и вспомнить взгляд, который у тебя появляется при смущении»

Принцесса Амира: «Какой он?»

Мал222: «Я бы описал его как томный. Слово расфокусированный. В нем немного шока, щепотка недоумения, но в целом удовольствие»

Принцесса Амира: «Ты красиво описываешь»

Мал222: «Потому что ты красивая, и описывать тебя несложно. Правда, никак не могу выделить отдельные черты, вижу только цельный образ»

Принцесса Амира: «Малоун, черта»

Ругаю его, потому что так надо. На самом деле, мне хочется, чтобы он и дальше проявлял свою наглость и продолжал рассказывать мне обо мне. Это такое странное чувство, словно смотришь на себя чужими глазами. Не просто чужими. Глазами мужчины.

Мал222: «Нам нужно кодовое слово»

Принцесса Амира: «Для чего?»

Мал222: «Когда я снова подберусь к границе, ты напишешь это слово, и я приторможу»

Принцесса Амира: «Правда?»

Мал222: «Буду пытаться»))»

Принцесса Амира: «Что, если не выйдет?»

Мал222: «Ты только не блокируй меня, ладно?»

Даже на расстоянии, даже через телефон я слышу его серьезный тон. Чувствую его. Когда я научилась так тонко распознавать его эмоции? За два коротких разговора на кухне или, может, за те недолгие взгляды, которыми мы обменялись? Но что я могу заявить со стопроцентной уверенностью: ни для одного из нас эти дни не прошли бесследно.

Принцесса Амира: «Ладно»

Мал222: «Какое это будет слово? Потому что я в секунде от того, чтобы сказать тебе, как скучаю по твоим гла-

зам»

Я прикрываю те самые глаза и улыбаюсь. Крепко-крепко сжимаю веки, словно сама стыжусь своих мыслей и желаний. Но если не говорить о них вслух и не воплощать в жизнь, никто не узнает, правда ведь? И в своей собственной голове я могу мечтать о чем хочу, никто меня не осудит. Да простит мне Всевышний мои вольности...

Принцесса Амира: «Закат»

Мал222: «Интересный выбор. А если вдруг ты захочешь рассказать мне о красивом закате, мне считать это за запрет?»

Он добавляет в сообщение подмигивающий смайлик, и я понимаю, что настроение Малоуна улучшилось. Представляю себе его улыбку: беззаботную, немного мальчишескую. Она так идет ему. Намного больше, чем сведенные на переносице брови. Но надо признать, что и хмурый Мал выглядит потрясающе красивым.

Принцесса Амира: «Я скажу, если это будет запрет»

Мал222: «Я уже засмотрел твои соцсети до дыр»

Принцесса Амира: «Зачем?»

Мал222: «Там ты»

Такой простой ответ, который буквально взрывает мою грудную клетку. В ней фейерверки со сладкой нугой смешиваются и бурлят, заставляя меня улыбаться. Сладкий, сладкий Малоун. Какой же он!

Но мне нужно это прекратить. Всегда есть «но», которое

все портит. Мы оба с ним прекрасно понимаем, что папа не позволит ничему между нами случиться. Я и сама не позволю, как бы сильно ни хотелось. Нужно трезво оценивать ситуацию. То, что я могу предложить Малоуну, наверняка ему не нужно. В его стране люди так рано не женятся, я читала. Средний возраст мужчин, которые впервые вступают в брак в Европе, – тридцать лет. А Малоуну еще далеко до этого возраста. Я также читала, что для них важно пожить для себя, построить карьеру. Все это никак не вяжется с браком. Особенно стремление пожить в свое удовольствие. Интересно, Мал нуждается в этом? Или он уже получил свои впечатления от женщин? Думая об этом, я краснею, и теперь мне хочется поскорее свернуть наш разговор. Потому что мне неловко и немного обидно.

Принцесса Амира: «Прости, вынуждена заканчивать, пора ложиться отдыхать»

Мал222: «Не будешь сегодня ночью купаться в море?»

Как же хочется пококетничать и сказать, что без него мне будет скучно, но это слишком откровенный намек, а на такое я никогда не осмелюсь.

Принцесса Амира: «Нет»

Мал222: «Хорошо. Сладких снов, принцесса Амира. Я напишу завтра»

Принцесса Амира: «Зачем?»

Не сдерживаюсь, задавая этот вопрос, потому что для меня на самом деле важно понять, почему он это делает, даже

зная, что из наших отношений ничего не выйдет.

Мал222: «Потому что, кажется, стал зависим от тебя»

Блокирую телефон и откладываю его в сторону, накрывая глаза ладонью.

Это лишь слова, Амира. Красивые слова, чтобы вскружить тебе голову. Слова, у которых нет реального основания. Именно поэтому он так легко ими разбрасывается. Ты должна быть благоразумной.

Со стоном поворачиваюсь набок и, крепко зажмурившись, обнимаю подушку. Я засыпаю под звуки борьбы здравого рассудка с сердцем. К утру узнаю, кто же все-таки победит.

Глава 9

– Не может быть и речи! – отрезает папа, взмахнув рукой. Он смотрит на меня своим фирменным тяжелым взглядом, который, по идее, не должен оставлять возможности для сопротивления. Но я все равно восстаю.

– Папа, миллионы женщин по всему миру получают образование!

– Они не ты! – громыхает отец. Мне бы остановиться и уйти, дав ему остыть, и только потом начинать заново, но моя импульсивность все делает за меня.

– Мустафа согласен.

– Откуда ты знаешь? – прищурившись, спрашивает отец.

– Он сам сказал.

Брови отца съезжают еще ниже на переносицу. Я бросаю быстрый взгляд на маму, а она смотрит на меня взглядом «Лучше бы ты молчала» и едва заметно качает головой.

– Ты обсуждала с ним это? – папа снова привлекает мое внимание.

– Я... эм-м-м... – смотрю на маму, и она красноречиво дает мне понять, что сознаться в такой смерти подобно. – Нет, что ты? Это И-и-инас, – тяну медленно, снова глядя на мать, и вижу, как она медленно выдыхает. – Да, это Инас, – добавляю тверже, переводя взгляд на хмурого папу. – Она... То есть я попросила ее спросить у Мустафы, и он ответил

согласием. Сказал, что будет рад образованной жене.

– Не перегибай, – едва слышно произносит мама.

– Гм... вот. – Складываю перед собой руки, сплетая пальцы, а потом внезапно бросаюсь папе на шею. – Папочка, любимый мой, ну что со мной случится в университете? Ну хочешь, приставь ко мне охрану. Или можешь отправить меня к Сабиту. Он уже там все знает, и жить я буду вместе с ним в нашей квартире. Он не возражает.

– Ты уже все продумала, да? – недовольно бурчит отец, но, по крайней мере, я вижу, что он немного оттаивает. – Джанан, ты чего молчишь?

Я поворачиваюсь и смотрю на маму, которая пожимает плечами.

– А что говорить? Заид, ты только не злись, но я согласна с Амирой. Современные девушки и правда повсеместно получают образование, осваивают профессии, строят карьеру.

– А семью они когда строить будут? – папа снова заводится.

И наступает время моей мамы. Она кивает мне на выход, а сама, шурша юбками, двигается к отцу. Она только кладет ладонь на его грудь, и черты его лица тут же смягчаются. Клянусь, она закликательница. Ее голос становится тише, вкрадчивее, и я понимаю, что обстановка вокруг нас сменяется с напряженной на интимную. Самое время мне исчезнуть.

Бесшумно ступая по ковру, я добираюсь до двери и, про-

скользнув в коридор, прикрываю ее за собой. Если мама не сможет его уговорить, то все пропало. Больше никто не сможет. Даже если Мустафа придет и лично будет просить отца за меня вместе со своим отцом, шансы ничтожны.

Возвращаюсь в свою комнату и падаю на кровать. Когда разблокирую телефон, на лице появляется улыбка. Потому что от Мала пришло пять сообщений.

Мал222: «Я надеюсь, твое утро было добрым. Прости, что не написал, ловил волну»

Мы переписываемся уже несколько дней, и я все больше и больше раскрываюсь с ним. Знаю, что не стоит, что это все бесперспективно, но остановиться просто не могу. Каждое мое утро начинается с пожелания хорошего дня, и это заставляет меня улыбаться, а также чувствовать настоящее счастье. Так почему я должна отказывать себе в этом?

Мал222: «Сегодня был практически шторм, так что я изрядно повеселился. Правда, подвернул ногу, но через пару дней буду здоров. А ты чем занималась с утра?»

Мал222: «Амира, моя восточная принцесса, ты же не обиделась на меня?»

Мал222: «Знаешь, я бы хотел научить тебя кататься на доске. Почему-то мне кажется, тебе понравится»

Мал222: «У тебя все нормально?»

Принцесса Амира: «Привет, Мал»

Мал222: «Ну слава богу, я уж думал, ты на меня обиделась за что-то»

Принцесса Амира: «Я бы написала кодовое слово. Все волны поймал?»

Мал222: «Почти. Одна поймала меня. Как твой день?»

Я кусаю губу и раздумываю, стоит ли посвящать Малоу-на в тонкости моих отношений с отцом, а потом решаю, что можно и рассказать. Все равно мне толком не с кем поделиться.

Принцесса Амира: «Мы с мамой уговаривали папу отправить меня учиться в университет»

Мал222: «И как? Успешно?»

Вздыхаю, на мгновение переведя взгляд на потолок, и снова возвращаюсь к экрану.

Принцесса Амира: «Пока не знаю. Мама еще разговаривает с отцом»

Мал222: «А какую специальность ты бы хотела получить?»

Принцесса Амира: «Хочу стать учительницей начальных классов. Я обожаю детей, и у меня есть опыт общения с ними, у меня ведь есть младшие брат и сестра»

Мал222: «Ты будешь прекрасной учительницей»

Принцесса Амира: «Откуда такая уверенность?»

Мал222: «Просто знаю. Слушай, Амира, я могу тебе позвонить?»

От этого вопроса по позвоночнику пробегает холодок. Мне так сильно этого хочется, что сердце в груди колотится, качая кровь с невероятной скоростью.

Принцесса Амира: «Нельзя»

Отвечаю так, потому что так правильно. Так будет лучше для нас обоих.

Мал222: «Я скучаю»

Пальцы уже набирают слово «Закат», но я стираю его и зачем-то делаю селфи и отправляю его. А потом зажимаюсь, ведь я собственными руками копаю себе могилу, из которой с каждым днем все труднее выбираться. Она все глубже и глубже, и мне все страшнее, но я уже как будто не в силах остановиться.

Мал222: «Это... Ты... Я даже не знаю, как выразить свой восторг, чтобы не пересечь черту дозволенного. Ты прекрасна, моя восточная принцесса»

Моя! Он назвал меня своей! Прикрываю глаза, позволяя себе ненадолго уплыть в мечты, которым не суждено реализоваться. Я представляю себе, как Мал приезжает и забирает меня. Женится, а потом воплощает все мои мечты в жизнь: и катание на серфе, и обучение, и работа, и путешествия – все-все!

Отвечаю наконец, чтобы Мал не подумал, что я невежда.

Принцесса Амира: «Спасибо»

Мал222: «Тебе не за что меня благодарить, я сказал правду. Как же хочется тебя увидеть»

– А как мне этого хочется, – шепчу, глядя в экран. – Если бы ты только знал.

Отбрасывая страх, печатаю ответ, потому что, судя по все-

му, после отправки снимка терять мне уже особо нечего.

Принцесса Амира: «И мне хочется»

Мал222: «Я приеду»

Принцесса Амира: «Куда?»

Мои брови сначала подскакивают вверх, а потом съезжаются на переносице. Уверена, сейчас я особенно сильно похожа на своего папу.

Мал222: «К тебе»

Принцесса Амира: «Мал, ты что? Нельзя!»

Я задыхаюсь от ужаса и восторга. Мое наивное сердце хочет верить в то, что так можно, но разум напоминает, что, увы, все это останется только в наших фантазиях.

Мал222: «Если честно, я уже нашел квартиру в Абу-Даби»

Мне жарко.

Холодно.

Волнительно.

И кружится голова.

Принцесса Амира: «Зачем?»

Мал222: «Приеду туда и буду выжидать удобного момента для встречи»

Принцесса Амира: «А как же твоя работа?»

Кажется, мои мечты становятся чуточку ближе к реализации, но я пока еще боюсь мечтать открыто.

Мал222: «У меня удаленная работа. Я подписал отличный контракт»

Принцесса Амира: «Твоя мама говорила, что ты рисуешь компьютерные игры»

Мал222: «Не рисую, а моделирую персонажей. Но это практически одно и то же»

Принцесса Амира: «Интересная у тебя работа»

Мал222: «Очень. Правда, для тех, кто ею не занимается, она может показаться жутко скучной»

Принцесса Амира: «Мне бы не показалась»

Мал222: «Потому что ты особенная»

«Особенная! Моя!»

Сегодня всего двумя словами Мал сказал мне больше, чем за все прошедшие дни. И потому я кокетничаю, не в силах сдержаться.

Принцесса Амира: «Обычная»

Мал222: «Необыкновенная»

Мал222: «Прости, принцесса, вынужден бежать, у меня конференц-звонок»

Принцесса Амира: «Хорошего дня тебе!»

Мал222: «И тебе, красавица!»

Мал отправляет смайлик с поцелуем, и мои щеки тут же вспыхивают. Они горят, нет, пылают, и я снова и снова перечитываю нашу переписку, чтобы убедиться, что мне это не приснилось.

– Амира, – после стука в дверь в комнате появляется Тина, – тебя госпожа зовет, она во внутреннем дворике.

– Бегу, – отзываюсь я, отключая телефон и засовывая его

под подушку. Не хватало еще, чтобы нашу переписку кто-то прочитал.

До внутреннего дворика несусь как на крыльях. Мама бы сейчас отругала меня за суетливость, хоть и сама была не раз замечена за тем же самым. Перед раскидистым кустом аде-ниума я притормаживаю, чтобы перевести дыхание. Выглядываю из-за шикарных цветов, чтобы посмотреть на маму. Она вполне спокойно сидит на скамейке и смотрит на Караму, который бегаёт по площадке. Ее руки сложены на коленях, спина ровная, толстая коса покоится на плече. Слишком она безмятежно выглядит. Что, если это лишь видимость? Но тут мама поворачивает голову в сторону, и я вижу на ее лице спокойную улыбку. Если бы что-то было не так, улыбка была бы напряженной, правда? А может, и нет.

Выступаю из-за куста и подхожу к маме, приземляясь рядом с ней на скамейку. Выпрямляю спину и так же, как она, складываю руки со сплетенными пальцами на коленях. Если мне суждено сейчас разочароваться, что ж, так тому и быть. Я ведь все равно уже ничего не изменю.

– Папа дал тебе шанс, – спокойно произносит мама. Наши взгляды сталкиваются, и в ее я вижу такой же задорный блеск, какой – уверена – она видит в моих. – Но есть правила.

– Я согласна на все! – выпаливаю, готовая прыгать и танцевать, словно мне снова восемь.

– Не торопись. Кое-что тебе может не понравиться.

– Ладно, – с уже меньшим энтузиазмом выдыхаю я.

– Ты будешь жить в нашей городской квартире с Сабитом.
И повсюду будешь передвигаться с охраной.

– С охраной? – безрадостным тоном произношу я.

– Да, Амира, и не спорь.

– Не буду.

– На учебу тебя будет отвозить охранник, забирать также он. Никаких прогулок без него, никакой самостоятельности. – Киваю, глядя в мамины, теперь уже серьезные, глаза. – Выходные будете проводить дома. От брата ни на шаг, Амира. Ты должна слушаться его, как слушаешься отца. Омар слишком занят, чтобы контролировать тебя, так что Сабит будет твоим «отцом», так сказать, его официальным представителем в Абу-Даби.

– Хорошо, мама.

– Каждый день после учебы будешь звонить мне.

– Хорошо, мама, – повторяю как заведенная.

– Я тоже поеду и побуду с вами первые пару недель, а потом вернусь домой.

– А дети?

– Останутся с няней. В конце концов, мне тоже полезно немного отдохнуть.

Я хихикаю, и мама подмигивает мне.

– И последнее. Без гишуа ты даже не выходишь из дома.

– Но мама!..

– Я же говорила, что тебе не все понравится. Знаю, ты не любишь прятать свое лицо, но таково условие отца.

— Я поняла, — тяну уныло. Ненавижу гишуа. Несмотря на то, что этот предмет одежды довольно легкий, и воздух в него проникает беспрепятственно, я все равно чувствую, словно задыхаюсь.

— А, и последнее. Никаких красивых платьев. Только черные. Тут я пыталась отстаивать свою точку зрения, но папа сказал или так, или никак.

— Хотя бы так, — тяну я.

Мама обнимает меня за плечи и прижимает к себе с улыбкой.

— Но это наша маленькая победа, — шепчет она.

— Я думала, ты не играешь против папы.

— Иногда нужно, он слишком упертый, — со смехом отвечает она. — Карам, осторожнее! Не трогай этот куст, я же тебе говорила!

Я наблюдаю за тем, как брат отскакивает от олеандра и принимается по новой размахивать своей игрушечной саблей, поражая невидимых врагов. Совсем скоро я стану самостоятельной. Ну почти. По крайней мере, буду жить отдельно от родителей и делать вид, что не завишу ни от чьих решений. Хотя, уверена, ощущение папиного присутствия никуда не денется. Не удивлюсь, если он в городской квартире даже повесит свой портрет, чтобы тот грозно «наблюдал» за нами и напоминал о правилах.

Глава 10

Малоун

Я вожу пятками по песку, опершись сзади на руки и зарывшись пальцами в нагретые солнцем песчинки.

– Не понимаю, – произносит Дикси.

Чувствую ее взгляд на своей щеке, но сам смотрю на океан. Я больше сосредоточен на том, как мелкие волны медленно накатывают на берег, чем на расставании со своей девушкой.

В какой-то момент – даже сам не понял, в какой именно, – я осознал, что пора заканчивать эти отношения. Наверное, когда несколько дней назад моя восточная принцесса прислала мне свой снимок, а потом сообщила радостную новость, что ей разрешили поступить в университет Абу-Даби. И если до этого у меня еще оставались какие-то крохотные сомнения по поводу того, стоит ли ехать в Эмираты, то после этих событий они окончательно рассеялись. Квартиру я снял, в кармане моей дорожной сумки лежит билет на завтра. Осталось лишь одно незавершенное дело: расстаться с Дикси.

Вообще она классная. В ней есть все, что нужно мужчине от женщины: потрясная фигура, отличное чувство юмора, качественный секс, а еще она не долбит мне мозги. Знает, если я пропал на пару дней, то это не потому, что не хочу ее

слышать и видеть, а потому, что ушел в мир компьютерных игр. Вернусь скоро, а потому нужно просто запастись терпением. Но что интересно, за все время моего общения с Амирой я не пропадал так ни разу. Может быть, на данном этапе на меня влияет чувство новизны отношений, не спорю. Но все же я склоняюсь к тому, что дело в самой Амире.

Мужчина по природе завоеватель, и мне, конечно, интересно подступаться к восточной принцессе, делать шаги навстречу ей. Не только чтобы понять ее тонкую душу, но и – что просто иррационально – потому что хочу. И с каждым днем мое желание все крепче. Не только платоническое, но и вполне себе физическое.

Я вынужден согнуть ногу в колене, прикрывая от Дикси свой пах. Потому что при одной мысли об Амире там нарастает напряжение. Стоит только вспомнить об ее глазах, которые смотрят с интересом и некоей долей покорности, о полных, как будто слегка капризно надутых, губах, о порочной, но в то же время чистой красоте. Я, может, и извращенец, но у кого не встанет на такую красотку?

– Я сделала что-то не так?

Мне хочется закатить глаза.

– Все с тобой нормально, – отвечаю спокойно. Просто ты не она. – Слушай, Дикси, ты классная, правда. Кайфовая. Но я завтра уезжаю.

– Надолго?

– Не знаю. Без срока, понимаешь?

– Я могу поехать с тобой.

– Да, но только на месяц. А потом у тебя в университете начинаются занятия, и тебе придется вернуться.

– Я могла бы перевестись на дистанционное обучение.

– Да не в нем дело. Детка, ты должна осознать: мы расстаемся не по причине каких-то обстоятельств, а потому что я просто так хочу.

– Ты меня разлюбил?

Она смотрит на меня так жалобно, что хочется по привычке прижать ее к своему боку, погладить по голове и поцеловать в макушку, а потом дать то, что она просит. Но тогда это будет обман. Я никогда не любил Дикси и никогда ей об этом не говорил. И сказать сейчас «разлюбил» – это тоже будет вранье. А если скажу, что никогда не любил, то причину ей боль. Потому что у Дикси ко мне чувства, я знаю об этом давно, хоть она и не произносила этого вслух.

– Дикси, давай не будем выяснять, – прошу я, повернувшись к ней лицом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.